ГЖ235
Н896

Новая Россія

1914 г.

ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА

Политическій еженедѣльникъ

Редакторъ-Издатель А. Л. Гарязинъ.

3-й годъ изданія. | ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ. | 3-й годъ изданія

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою въ Россіи и за границу—5 руб., на 1/2 г.—3 р., на 1 мѣс.—40 к.

Для лицъ и учрежденій, которыхъ этотъ взносъ затрудняетъ, допускается льготная подписка, которая принимается только въ главной конторѣ изданія, куда и слѣдуетъ обращаться за свѣдѣніями. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—3 руб., 1 р.—20 іюня и 1 р.—20 октября.

Редакція и Главная контора: Загородный, 36. Спб.

Подписка принимается также во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ Россійской Имперіи.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Общедоступный ежемѣсячный литературно-художественный и прогрессивный журналъ.

VII г. изд. | Издатель А. Л. ГАРЯЗИНЪ. | VII г. изд.

Журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, интересующихся вопросами самообразованія, имѣть серьезное ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Являясь, такимъ образомъ, демократическимъ въ этомъ отношеніи „Новый Журналъ для Всѣхъ“ по прежнему заключаетъ въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др.

Художественность, серьезность и популярность изложенія и прогрессивность мысли—таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 6 лѣтъ весьма обширнымъ кругомъ читателей.

Слѣдуя разъ принятому курсу, журналъ стремится освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни съ демократической прогрессивной точки зрѣнія, чуждой какого-либо пристрастія и партійности. Особое вниманіе журналъ удѣляетъ отдѣламъ научно-популярному и художественному.

Годовые подписчики получаютъ въ 1914 г. безплатно:

Полн. собр. соч. **Н. ПОМЯЛОВСКАГО** въ 6 кн. (2 том.).

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно*, книжками въ 4—5 печ. листовъ *съ художественными иллюстраціями и репродукціями.*

ПОДПИСКА НА 1914 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес. 2 р. 20 к., на 1/2 г. 1 р. 20 к., на 1 м.—33 к. За границу—3 р. 25 к. отдѣльн. книжки въ магаз. по 25 к., пробн. № высылается за днѣ 7 к. марки. Подписная плата марками не принимается.

Редакція и Главная контора: *Спб., Загородный, 36.*

ГЖ 235
Н 896

НОВАЯ РОССІЯ

Основы и задачи
Имперской Народной Партіи.

Къ чему пришли.
Въ поискахъ идеала.—*А. Л. Гарязинъ.*
Элементы Народной Партіи въ Россіи—*П. В. Васильевъ.*
Сельская Русь и Государственная Дума—*М. А. Карауловъ*, членъ Г. Думы.
Кризисъ умѣренныхъ партій и способъ его разрѣшенія—*Ив. Суховъ.*
Русская Народная Партія и инородцы—*А. П. Савватѣевъ*, членъ Г. Думы.
Основы государственности—*Н. Е. Вѣровъ.*
Историческіе устои Руси—*Н. Г. Козыревъ.*
Національный идеалъ и его противники—*Вѣчевой.*
Къ вопросу о крестьянской идеологіи.—*А. Новгородскій.*
Крестьянинъ-государственникъ—*П. Константиновъ.*
Чего мы ждемъ отъ народной школы?—*Н. Волховской.*
Какъ мы понимаемъ задачи Народной Партіи.
Проектъ устава Народной Партіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи еженедѣльника „ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА“.
1914.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
1984

ГЖ235
Н896 р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 720
БИБЛИОТЕКА
36016

ТИПОГРАФІЯ Т-ВА „НАШЪ ВѢКЪ“ СПБ., МАЛАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, С. Д. 12.

Къ чему пришли.

1.

Начало 20-го вѣка ознаменовалась яркимъ проявленіемъ національнаго: на далекомъ востокѣ, въ тысячелѣтней Китайской Имперіи разразилось, такъ называемое «боксерское движеніе», которое было ничѣмъ инымъ, какъ національнымъ отпоромъ китайцевъ порабощающимъ ихъ экономически и даже политически иностранцамъ. И хотя это движеніе было задавлено соединенными силами европейцевъ, тѣмъ не менѣе его національное значеніе отъ этого не умалилось. Европейцы оказались сильнѣе китайцевъ,— только всего, но правда осталась съ ними, съ китайцами, и эту правду они теперь осуществляютъ другимъ путемъ. Китайская революція и отрѣшеніе отъ власти дайцингской династіи ближайшей причиной имѣли неудачи боксерскаго движенія. Страна желтолицыхъ рѣшила переустроить свою внутреннюю жизнь такъ, чтобы создать условія, благопріятныя для отмѣны и внѣшней зависимости. Удастся ли имъ это—другой вопросъ, и онъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько жизненны силы націи, насколько она еще способна къ развитію и къ борьбѣ за существованіе. Японіи удалось, балканскимъ народамъ удалось, но вотъ Турціи, Персіи не удается: эти государства находятся въ состояніи національнаго разложенія, умираютъ.

Въ западныхъ государствахъ Европы національнзмъ сталъ необходимой составной частью организма, вошелъ во всѣ поры народной жизни, окрасилъ собой всѣ общественныя проявленія. Силу и вліяніе національнзмъ обнаружилъ, захвативъ непримиримую поборницу космополитизма, интернаціональнаго братства всѣхъ народовъ, западную соціалъ-демократію. Какъ разъѣдающая щелочь проникло національное чувство и сознаніе въ ткани соціалистическихъ организацій и произвело извѣстное расщепленіе. Раскололась на національныя группы «единая» австрійская соціалъ-демократическая партія, выступила въ защиту національныхъ завоеваній группа итальянскихъ соціалистовъ, національную окраску приняли французскіе синдикалисты, и горячими патріотами и націоналистами оказались балканскіе соціалъ-демократы; до того, что въ болгарскомъ народномъ собраніи, въ отвѣтъ на высказанное сомнѣніе въ патріотичности «марксистовъ», одинъ изъ нихъ заявилъ: «пусть мнѣ назовутъ хотя одного болгарскаго соціалиста, который отказался исполнить свой долгъ передъ родиной».

Да оно и понятно. «Чувства, психика людей не международны. Они представляютъ функцію отъ органовъ чувствъ, которыя въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и комбинаціяхъ составляютъ отличительные національные признаки». «Людямъ, стремящимся къ лучшему,—говорилъ молодежи датскій критикъ Георгъ Брандесъ, содѣйствовавшій возрожденію націонализма среди датчанъ, подчиненныхъ дотолѣ нѣмецкой культурѣ,— не должно обходить національное чувство только потому, что правые направляютъ его нелѣпо и обращаютъ въ каррикатуру или потому, что нѣкоторые изъ соціалистовъ, по космополитическимъ соображеніямъ, борются съ нимъ и отрицаютъ его. Правые не прочь бы присвоить это чувство себѣ однимъ — съ ихъ стороны это не глупо. Соціалисты иногда противодѣйствуютъ національному инстинкту—съ ихъ стороны это не умно. Народъ сохраняетъ за собой

свое мѣсто среди другихъ народовъ и идетъ впередъ, если можетъ развивать свою культуру».

Поскольку націонализмъ внѣдряется въ человѣческія взаимоотношенія все больше и больше, мы видимъ на примѣрѣ «бунтарей двадцатаго вѣка»,—вносящихъ въ искусство «послѣдній крикъ»: футуристовъ. Итальянецъ Маринетти утверждаетъ: «Прежде Италія, а потомъ—свобода», русскій Хлѣбниковъ приглашаетъ— «Будетъ вамъ кланяться рожѣ басурмановъ».

2.

Несмотря на повсемѣстный ростъ націонализма, несмотря даже на то, что въ самой Россіи среди нѣкоторыхъ инородцевъ обнаружилось стремленіе къ національной обособленности, къ защитѣ своихъ племенныхъ различій, главное населеніе нашей страны, господствующее русское племя какъ бы утеряло свое «національное я» и не участвовало въ общемъ хорѣ стремящихся къ культурнымъ завоеваніямъ націй. Происходило это потому, что русская интеллигенція, выразительница духовныхъ силъ страны, не допускаемая самовластной бюрократіей къ участію въ общегосударственой жизни, вела «не на животъ, а на смерть» борьбу съ послѣдней и ополчалась на все то, что служило бюрократіи въ качествѣ поддержки. Націонализмъ былъ поставленъ на знамени бюрократіи, понимавшей его совершенно извращенно, и этого было достаточно, чтобы русское прогрессивное общество, къ тому же увлекавшееся идеалами французской революціи и марксизмомъ, отвернулось отъ него, отказалось отъ самого себя.

Указываютъ на противорѣчіе, которое было во взглядахъ на національный вопросъ у русской интеллигенціи, отрицавшей русскій націонализмъ и признававшей и поддерживавшей націонализмъ и даже сепаратизмъ инородческій. Но это противорѣчіе вы-

текало изъ того, что здѣсь играла и среди многихъ еще до сихъ поръ играетъ роль окраска національнзма: «реакціонный» или «прогрессивный». Національнзмъ инородцевъ, какъ безусловно вредящій, подрывающій положеніе бюрократіи, принято было считать прогрессивнымъ. Конечно, здѣсь была ошибка: вредъ отъ развитія центробѣжныхъ стремленій для государственной власти, не можетъ, въ концѣ-концовъ, не оказаться и вредомъ для государства, для страны и, намъ кажется, что извѣстная часть русской интеллигенціи, защищая право инородцевъ на сепаратистическія выступленія, совершенно искренно была увѣрена въ томъ, что сепаратизмъ ихъ только демонстративнаго свойства и не имѣетъ глубокихъ корней; при этомъ какъ-то забывалось, въ пылу борьбы и ожесточенія, что всякій сепаратизмъ подобенъ Злому Духу Синбада-мореплавателя, заключенному въ сосудъ: выпустить его легко, но запрятать обратно стоитъ большого труда.

Нельзя сказать, однако, что русское національное движеніе вопросъ только сегодняшняго дня, но оно безусловно очень молодое и начало складываться въ общественную силу съ момента несчастной для насъ русско-японской войны. Правыми принято утверждать, что въ моментъ войны русская интеллигенція заражала всѣхъ анти-національнымъ чувствомъ, отъ котораго, молъ, и произошли всѣ бѣды. Но это невѣрно. Прогрессивное общество не кидало шапокъ вверхъ, дѣйствительно, но это потому, что оно чувствовало неизбѣжность пораженія при существующихъ условіяхъ, при тѣхъ громадныхъ ошибкахъ, которыя дѣлались съ самыхъ первыхъ дней войны. Возмущающее консерваторовъ требованіе прекратить войну, подписать миръ было продиктовано именно патріотизмомъ, горячимъ желаніемъ избѣжать новыхъ ненужныхъ жертвъ. Если бы русская интеллигенція желала гибели государства (какая чудовищная мысль!), то она не заботилась бы о сокращеніи потерь. Никто не винитъ за Седанъ французскую оппозицію, только по-

тому, что она была враждебна Наполеону 3-му, тѣмъ меньше виновна въ Цусимѣ и Мукденѣ русская интеллигенція.

Космополитическія теченія возобладали въ 1905 и 1906 году, когда задававшая тонъ соціалистическая и радикальная интеллигенція пошла объ руку съ окраинными сепаратистами, а остальныя общественныя группы, разочаровавшіяся въ русской государственности, которая характеризовалась, какъ «національстическая», пошли за новыми пророками, примкнули къ провозвѣстникамъ «братства народовъ», федераціи и автономіи. Однако, вскорѣ обнаружились искусственность и чуждость «новыхъ словъ» и, пробудившіеся къ государственно-политической работѣ, русскіе люди почувствовали необходимость осознать себя самихъ, какъ цѣлое, какъ народный коллективъ, какъ націю. Сперва робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе стали раздаваться среди прогрессистовъ фразы о «націонализмѣ». Кіевскій профессоръ Т. В. Локоть, бывшій членъ первой Государственной Думы, организаторъ трудовой группы, выступилъ съ заявленіемъ, о своихъ націоналъ-демократическихъ взглядахъ. Въ газетѣ «Слово» (М. Федорова) и въ «Русской Мысли» П. Б. Струве далъ новые лозунги «національнаго лица», «національныхъ притяженій и отталкиваній». Вышелъ сборникъ «Вѣхи», вызвавшій большую о себѣ литературу. Появился альманахъ «Ладо» съ напечатаннымъ въ немъ «проектомъ платформы группы народныхъ націоналистовъ». Національное теченіе стало формироваться и занимать мѣсто въ русской общественности.

3.

Тормазомъ широкому развитію національнаго движенія среди прогрессивнаго общества послужила организація пресловутаго «Всероссійсскаго національнаго союза», образованнаго умѣренно-правыми эле-

ментами, рѣшившими использовать хорошую идею для оправданія стремленія бюрократіи и помѣстнаго дворянства удержать многое изъ того, что пришлось уступить въ памятные дни свободы. Этотъ «русскій націонализмъ», справедливо окрещенный названіемъ «казеннаго», былъ чуждъ прогрессивному обществу и его стремленіямъ. Если націоналисты и признаютъ законодательную Думу, то лишь какъ существующій фактъ, но не какъ незыблемое установленіе, и готовы были мириться съ нарушеніемъ и измѣненіемъ Основныхъ законовъ, въ сторону большаго усиленія власти, что и доказали, защищая актъ 3-го іюня и производимые П. А. Столыпинымъ нажимы на законъ и 87-ю статью. Все значеніе правыхъ націоналистовъ, сдѣлавшихся къ концу третьей Думы вліятельной партіей, свелось къ личнымъ цѣлямъ, къ поддержкѣ сильнаго премьеръ-министра и къ постоянному возбужденію вопроса объ «инородческой опасности». Ничего новаго, положительнаго въ русскую исторію они не внесли и народное представительство не укрѣпили, а расшатали своимъ постояннымъ растаркиваніемъ передъ властью, въ чемъ, надо сказать, имъ не уступали и октябристы, оспаривающіе у нихъ званіе «правительственной» партіи.

Со смертью П. А. Столыпина исчезло официальное покровительство, по крайней мѣрѣ, на первое время, для «всероссійскихъ націоналистовъ». И тотчасъ же стала сказываться слабость, ограниченность существующей націоналистической программы, не отвѣчающей народнымъ интересамъ. Въ ней слишкомъ много узко-племенного націонализма и слишкомъ мало государственности, имперіализма и отсутствуетъ вовсе демократизмъ. Уже въ третьей Думѣ произошелъ расколъ въ націоналистическихъ рядахъ; передъ выборами въ четвертую со страницъ ихъ печати раздались неожиданныя рѣчи. Такъ, вятское «Сѣверное Слово» писало, что «безъ либерализма національная идея, въ своемъ обособленномъ бытіи, неизбѣжно падаетъ по наклонной плоскости въ бездну національнаго изувѣрства и

государственнаго абсолютизма. Въ этой безднѣ человѣческихъ личностей нѣтъ, а есть только стада пасомыхъ, совокупность которыхъ не составляетъ собирательной личности и эта личность умираетъ. Только въ тѣсномъ, взаимномъ сліяніи могутъ жить эти двѣ идеи, получая одна отъ другой: либеральная идея — разумное, сдерживающее начало подчиненія частныхъ стремленій высшимъ интересамъ собирательной личности (народа), а національная идея — такое же разумное ограниченіе въ идеѣ личной свободы. Такъ въ теоріи, такъ и на практикѣ!

Объ измѣненіи отношеній къ инородцамъ писало другое націоналистическое изданіе, симферопольское «Южное Слово»: «Народность русская должна особенно считаться съ чувствами другихъ національностей, живущихъ въ нашихъ областяхъ. Должна считаться съ ними на началахъ полной справедливости и давать этимъ народностямъ должный просторъ въ ихъ національномъ самоопредѣленіи. Подъ скипетромъ русскаго Государя всѣ національности должны имѣть право гражданства, имѣть право сохранять и оберегать свои національные интересы».

Такимъ образомъ, сами «захватчики» идеи почувствовали, что имъ не справиться съ нею, что ношу они взяли не подъ силу и съ ихъ стороны послѣдовало признаніе своихъ ошибокъ. Но, какъ и надо было ожидать, «покаянное» настроеніе длилось недолго — и, попавъ въ 4-ю Думу, господа націоналисты снова усѣлись на козлы правительственной тройки и такъ заусердствовали, что сотрудникъ «Новаго Времени» Н. Энгельгардъ откровенно назвалъ существующій націонализмъ — панской выдумкой, «отъ которой странѣ пастуховъ и батраковъ нисколько не лучше, чѣмъ было встарь» и началъ призывать къ пересмотру, «ревизіи» націоналистической программы въ сторону демократизма. Нѣтъ сомнѣнія, что никакого демократическаго вина въ мѣхи «Всероссійскаго національнаго союза» влить невозможно, но самый фактъ проявленія недо-

вольства своей программой въ національныхъ кругахъ говоритъ многое.

4.

Балканская война, высокій подъемъ національныхъ чувствъ среди нашихъ славянскихъ братьевъ подѣйствовали на русское общество заражающе, дали новый и сильный толчекъ русскому націонализму. А начавшіяся въ сосѣдней Австріи преслѣдованія противъ зарубежныхъ русскихъ прямо-таки обязывали насъ заявить о себѣ, какъ о націи. И въ прогрессивной печати послышались такія слова: «Націей безъ лица стоимъ мы передъ лицомъ міра, и страхъ охватываетъ при мысли, что такой же націей безъ лица предстанемъ мы передъ судомъ своихъ болѣе счастливыхъ и болѣе разумныхъ потомковъ. Кто мы, какъ нація? Славяне или онѣмеченная Русь, растерявшая за триста лѣтъ и свое національное лицо, и свою самодовлѣющую политическую и общественную мощь? Или, наконецъ, азіатскій народецъ съ тонкимъ, плохо приставшимъ налетомъ культуры, который, какъ будто, самой судьбой предназначенъ пребывать въ рабскомъ подчиненіи у «нѣмца»? («Утро Россіи»).

«Ну, развѣ не грустно сознавать, что у насъ, въ странѣ, гдѣ въ послѣдніе дни «націоналисты» стали самыми легальными людьми, совершенно отсутствуетъ національное чувство и что въ этомъ отношеніи намъ далеко даже до Персіи?» («Бессарабская Жизнь»).

Тоска по «національному лицу» охватила самые разнообразные слои русскихъ. Изъ Парижа пишутъ въ «Русское Слово» эмигранты: «Русскіе запутались въ своемъ стыдѣ, въ своей совѣсти. Русскіе запуганы ненавистью, которая готова вспыхнуть вокругъ, лишь только сдѣлаютъ они малѣйшій національный жестъ. Злорадный возгласъ:—«Ага, націоналистами дѣлаетесь»—имѣетъ реальное отвратительное значеніе». Къ счастью, этотъ послѣдній окрикъ, въ Россіи уже не

имѣетъ устрашающаго вліянія настолько, что въ Петербургѣ устраиваютъ диспуты, на которыхъ представители радикальнаго міровоззрѣнія всенародно утверждаютъ, что «космополитизмъ—утопія, націонализмъ же сама жизнь, ея творческое начало» (Докладъ проф. В. Д. Плетнева).

Итакъ, подводя итоги, мы видимъ, что если въ проявленіи своего націонализма Россія въ началѣ 20-го вѣка была инертною и отсталою, то въ настоящій моментъ этотъ дефектъ русской жизни исправляется. Россійская государственность и общественность націонализируются. И не одни внѣшніе факторы тому причиной. Вся обстановка внутренней жизни страны, весь укладъ, состояніе родной культуры и народнаго хозяйства, все наше отечественное настроеніе, вызывающее глубокую боль и острый стыдъ за то, что оно именно свое, близкое, а не чужое, съ неуклонной волею выталкиваютъ насъ на путь націонализма, на путь естественной самобытности.

Съ другой стороны, выяснились и невозможность ограничить націонализмъ узкими рамками племенного сближенія, и неизбѣжность подысканія для національнаго содержанія подходящихъ политическихъ формъ, которыя не извратили бы содержаніе и привлекли къ себѣ вниманіе широкихъ народныхъ слоевъ. Формы эти—прогрессизмъ и демократизмъ. Рельефнымъ отраженіемъ такого гармоническаго сочетанія могла бы быть политическая народная или націоналъ-демократическая партія, которая заполнила бы пропасть, развершуюся между обоими берегами русской жизни, при существованіи каковой пропасти успѣшное обновленіе страны невозможно.

Въ поискахъ идеала.

Національнизмъ проявляется любовью къ народности и къ самобытности. Эти чувства естественно присущи каждому человѣку нашего времени, но въ силу разныхъ причинъ они могутъ или вовсе атрофироваться, или развиваться односторонне. Политическая эволюція русской жизни создала два главнѣйшихъ общественныхъ теченія: одно — національно-безразличное, другое — національно-извращенное. Первое, по меньшей мѣрѣ, игнорировало интересы русской народности, второе сводилось къ всестороннему насилію нѣкоторой привилегированной части русскаго племени надъ другими, послѣднему подвластными племенами. Первое теченіе руководилось людьми искренне-прогрессивными, идеалистами безкорыстными, второе—людьми своекорыстно-реакціонными, «вахмистрами по воспитанію, погромщиками по убѣжденію». Къ 1905 г. оба теченія выявились окончательно и образовали два опредѣленныхъ, непримиримо враждебныхъ лагеря, исчерпывающихъ все содержаніе русской политической жизни: оппортунисты, въ подавляющемъ числѣ вступившіе въ союзъ 17 октября, самостоятельнаго значенія никогда не имѣли, никакимъ авторитетомъ въ странѣ не пользовались.

Наша политическая эволюція своеобразна. Нигдѣ у другого народа, какъ показываетъ исторія, ничего подобнаго не было. Но за то и нигдѣ не было и нѣтъ

такого громаднаго количества людей внѣпартійныхъ, «дикихъ», политически до крайности индивидуализированныхъ. Огромному числу русскихъ людей не годятся, не подходятъ, ни тотъ, ни другой главные общественные лагери. Они имъ представляются оба, равно государственно вредными и опасными. Куда примкнуть? Вопросъ часто роковой, всегда тяжелый. «Дикимъ» быть очень просто, но очень горько слыть человѣкомъ безъ опредѣленныхъ убѣжденій.

Такая кличка была присвоена тѣмъ русскимъ людямъ, которые не захотѣли плыть по господствующимъ теченіямъ, но осмѣлились исповѣдывать убѣжденія, нормальныя, вообще, для гражданина и свойственныя подавляющему большинству западныхъ европейцевъ. Именно, считались у насъ политически безпочвенною романтикою, даже подозрительною, естественныя чувства любви къ своей народности и самобытности въ неразрывной связи ихъ съ не менѣе естественными стремленіями утвердить конституціонныя свободы и подлинно представительный образъ правленія. Такъ мыслившіе люди пережили много обиднаго для себя, перенесли много разочарованій. Ихъ идеи, по духу эпохи были преждевременными. Въ годы смуты націоналистамъ-прогрессистамъ не удалось сорганизоваться.

Пишущій эти строки видѣлъ гибель «демократическаго союза конституціоналистовъ», въ коемъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ и товарищемъ предсѣдателя совѣта. Той же участи подверглась и партія правового порядка, на которую возлагалось не мало надеждъ.

Смута кончилась, а прогрессивный лагерь сдѣлался какимъ-то озлобленно антинаціональнымъ. Въ противовѣсъ возникъ «всероссійскій національный союзъ». Многіе изъ «дикихъ» пожелали на первыхъ порахъ къ нему примкнуть. Политическая программа его была скромна, но за то впервые русская народность стала предметомъ интереса, вниманія, любви, впервые въ вопросахъ внѣшней политики партія становилась на

стражѣ русскихъ пользъ, нуждъ и престижа. Такъ было на словахъ. Словамъ повѣрили многіе, въ числѣ ихъ и я. Но, увы, скоро убѣдился, что имѣю дѣло съ прежними «охранителями», лишенными какого бы то ни было положительнаго «credo»; увидѣлъ, что попалъ въ худшій изъ двухъ политическихъ лагерей. Неминуемо пришлось уйти, пришлось искать единомышленниковъ, прокладывать вмѣстѣ съ ними путь національно-прогрессивному и демократическому міросозерцанію. Былъ основанъ «Дымъ Отечества», сразу взявшій независимую отъ обоихъ лагерей позицію и за то подвергшійся въ нихъ безповоротному осужденію, часто клеветѣ, но всего чаще умышленному замалчиванію. Несмотря на это, за полтора года своего существованія «Дымъ Отечества» пріобрѣлъ значительное число читателей, которое все возрастаетъ.

«Дымъ Отечества» не мѣнялъ своего направленія. Только значительно измѣнился характеръ его отношеній къ политическимъ событіямъ и къ заявленіямъ властей предержащихъ. Именно, исчезъ безслѣдно прежній оптимизмъ, основанный на извѣстныхъ обѣщаніяхъ правительства провести органическія реформы всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Оставаясь строго лойяльнымъ, «Дымъ Отечества» очутился въ невольной и рѣзкой оппозиціи закулиснымъ силамъ, тянущимъ Россію вспять. Въ результатѣ, за короткое время существованія органа я былъ 5 разъ привлеченъ къ угол. отвѣтственности за нарушеніе законовъ о печати и на основаніи положенія объ усиленной охранѣ былъ десять разъ оштрафованъ, въ общей суммѣ на 4.800 рублей.

Проработавъ полтора года въ «Дымѣ Отечества» я теперь уже не чувствую себя одинокимъ. Я встрѣтилъ единомышленниковъ въ кругахъ провинціальной интеллигенціи: у народныхъ учителей, сельскихъ священниковъ и, наконецъ, среди національно-прогрессивныхъ элементовъ Государственной Думы. Между редакціею «Дыма Отечества» и законодательною палатою установилась живая связь.

Національно-демократическая идея, возникшая со времени обнародованія Манифеста 17 октября 1913 г. нашла откликъ въ сердцахъ русскихъ людей. Она уже не погибнетъ и явится важнымъ факторомъ въ самоопредѣленіи русскаго народа.

Недавно возникло національно-демократическое общество имени И. Т. Посошкова, крестьянина-писателя Петровскихъ временъ, опредѣлившаго пророческимъ ясновидѣніемъ основы необходимыхъ для Россіи преобразованій. Скоро должна создаться россійская народная партія...

«Дымъ Отечества» будетъ ей посильно служить. На его страницахъ, по прежнему будутъ неизмѣнно отстаиваться единство и нераздѣльность Имперіи, представительный образъ правленія, политическія свободы, уравненіе всѣхъ сословій передъ закономъ и судомъ, потребности государственной обороны, интересы церкви православной, какъ основы общественной нравственности и громадной еще неиспользованной демократизующей силы, интересы охраненія родной старины и самобытности, права инородцевъ на національную культуру...

А. Л. Гарязинъ.

Элементы народной партіи въ Россіи.

1905 годъ пробудилъ къ политической жизни русское крестьянство; возвѣщенный новый представительный строй призвалъ, наравнѣ съ другими, къ участью въ государственныхъ дѣлахъ и тѣхъ, кто, находясь на положеніи гражданъ «четвертаго разряда», въ дѣйствительности составляетъ самую мощную, трудовую опору страны. Передъ русскимъ крестьяниномъ, долгими годами суроваго бытія и темнотой пріученнымъ смотрѣть на все черезъ очки начальственнаго «попеченія» и не знающимъ иныхъ правъ, кромѣ права «просить» и ждать «разрѣшенія», открылся новый міръ, полный широкихъ стремленій, радужныхъ надеждъ, заманчивыхъ ожиданій. Крестьянинъ призванъ къ законодательству, къ высшему въ странѣ посту члена Государственной Думы, его представители признаны «лучшими людьми». Было отъ чего возгорѣться яркимъ фейерверкомъ политической фантазіи, вторично освобожденнаго слоя, населенія.

Неподготовленность крестьянъ къ политическимъ выступленіямъ, неумѣніе сразу разобраться въ создавшихся условіяхъ, отсутствіе организованности сказались на первыхъ шагахъ тѣмъ, что въ русской деревнѣ стали работать и имѣть начальный успѣхъ партіи съ разрушительной тактикой: слѣва—съ проповѣдью аграрнаго террора, справа—съ агитаціей погромовъ интеллигенціи и инородцевъ. Съ двухъ сторонъ стара-

лись оттянуть крестьянина отъ вдумчиваго отношенія и осмысливанія своихъ новыхъ правъ въ сторону неразсуждающей «активности», вмѣсто избирательнаго бюллетеня въ его руки вкладывали дубину. Но искусъ прошелъ быстро и здравый смыслъ крестьянства вывелъ его на практическую дорогу.

Уже въ первой Думѣ, собравшейся въ моментъ горячей работы въ деревнѣ соціалистовъ, замѣтно обнаружилось, что настроеніе крестьянъ далеко не такъ радикально, какъ о немъ составили представленіе. Крестьянская фракція въ Думѣ, несмотря на присутствіе въ ней соціалистовъ, назвала себя лишь «трудовою» группою, что значительно мѣняло ея физіономію. Но даже и въ такомъ видѣ группа не имѣла большого авторитета и тѣсной связи съ народными массами. И подписывая «выборгское воззваніе», опубликовывая особое обращеніе къ крестьянамъ по поводу роспуска первой Думы, трудовики такъ же ошибались въ поддержкѣ ихъ избирателями, какъ и «большевикъ» Ленинъ, назначившій въ своей брошюрѣ «Роспускъ Думы и задачи пролетаріата» на августъ мѣсяцъ 1906 года крестьянское выступленіе. Крестьяне подвели и тѣхъ и другихъ. Они не выступили и тѣмъ доказали, что у нихъ есть свой взглядъ, складываются свои воззрѣнія на стоящія передъ ними задачи, намѣчается своя тактика.

Вторая Дума имѣла крестьянъ соціалистовъ, но она имѣла и крестьянъ—правыхъ и просто прогрессистовъ. Начиная съ третьей Думы, сокращенное закономъ 3-го іюня число крестьянскихъ представителей, распыляется по разнымъ партіямъ и этимъ самымъ утверждается мнѣніе, что преобладающаго политическаго направленія въ русскомъ крестьянствѣ пока еще нѣтъ. Но оно уже начало складываться.

Въ 1907 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, какъ разъ передъ выборами во вторую Г. Думу появилась самостоятельная организація крестьянъ въ видѣ учрежденной въ Москвѣ «Крестьянской партіи на почвѣ манифеста

Библиотека Института В. И. Ленина 3606

17 октября». По тому времени господства политическихъ фантазій и непримиримыхъ лозунговъ новая «октябристская» крестьянская партія была признана «правою» и осуждена на забвеніе и пренебреженіе. Смотрящія на деревню сквозь призму стараго «народничества» русская печать и общество не могли себѣ представить крестьянской организаціи иначе, какъ въ видѣ бывшаго въ дни наибольшаго подъема освободительнаго движенія «Крестьянскаго союза» съ неизмѣнной соціализаціей земли. А новая партія поставила во главу угла, вмѣстѣ съ политическими свободами, демократизаціей государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій, принципъ охраненія частной собственности и признаніе полезнымъ закона 9 ноября 1906 года. И хотя, тѣмъ самымъ она была ближе къ жизни, вѣрнѣе отражала крестьянскія дѣйствительныя нужды, общественныя симпатіи прошли мимо нея.

Въ программѣ крестьянской партіи такъ были мотивированы ея цѣли:

„Мы, крестьяне, не объединены, тогда какъ всѣ сословія уже давно собираются въ партіи, чтобы провести выборщиковъ въ Думу. На насъ, крестьянахъ, держится благополучіе Россійской Имперіи, нашъ голосъ самый сильный въ странѣ. Дружно сплотимся всѣмъ крестьянствомъ, выберемъ честныхъ и вѣрныхъ людей у себя въ волостяхъ, они изъ своей среды выберутъ лучшихъ представителей, а тѣ въ Государственной Думѣ безъ всякаго насилія, законнымъ и правильнымъ порядкомъ дадутъ то, что нужно всему народу, станутъ поддерживать крестьянство, постоятъ за Государя и Русскую землю и водворятъ порядокъ. Пусть узнаетъ весь русскій народъ эти пожеланія отъ самихъ крестьянъ".

Изъ перечня пунктовъ программы видно, что эта партія безусловно прогрессивная, демократическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и патріотическая, конечно, не въ извращенномъ смыслѣ: о какихъ-либо гоненіяхъ противъ инородцевъ въ крестьянской программѣ нѣтъ ни одного слова. Во вторую Г. Думу партія не могла провести ни одного депутата; у нея совершенно не было никакого агитаціоннаго предвыборнаго органа. Къ закону 3 іюня, лишившему крестьянъ благопріят-

ныхъ условій самостоятельнаго выбора, крестьянская партія отнеслась съ осужденіемъ и ея члены въ деревняхъ были зачислены въ лѣвые, нежелательные элементы. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое время партія росла, распространяясь на губерніи: Московскую, Калужскую, Тульскую, Ярославскую, Тверскую, Владимірскую, Нижегородскую, число членовъ партіи достигало 10,000 человѣкъ, во главѣ ея стояли сплошь крестьяне. Къ сожалѣнію, у партіи не было денегъ — этого главнаго двигателя современныхъ политическихъ организацій и бѣдность связывала дѣятельность крестьянъ.

Къ выборамъ въ 4-ю Г. Думу партія готовилась болѣе усиленно, надѣясь на нѣкоторый успѣхъ. Но тутъ русская дѣйствительность положила предѣлъ крестьянскому политическому самопроявленію. Лѣтомъ 1911 года Комитетъ крестьянской партіи работалъ надъ созывомъ крестьянскаго съѣзда, и въ этомъ смыслѣ разослалъ по деревнямъ 6 окружныхъ съ Москвой губерній записку, сопровождая ее просьбой высказаться о желательности вопросовъ, намѣченныхъ для обсужденія на предполагаемомъ съѣздѣ. Никакой «сокрушающей» политики въ разсылаемомъ листкѣ не было, вопросы касались только слѣдующаго:

1) О надѣленіи землею безземельныхъ крестьянъ, желающихъ заниматься хлѣбопашествомъ, 2) объ улучшеніи крестьянскаго землепашества и травосѣянія, 3) объ уничтоженіи чрезполосицы, 4) о преимуществахъ хуторского и отрубного хозяйства, 5) вопросы о продажѣ земли крестьянскимъ банкомъ, 6) объ установленіи нормы земли для землевладѣльца и домохозяина, 7) объ учрежденіи центральныхъ и городскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ, 8) разсмотрѣніе вопросовъ о сельскихъ податяхъ и повинностяхъ, 9) объ учрежденіи больницъ и богадѣленъ по волостямъ, 10) объ организаціи частныхъ крестьянскихъ банковъ, 11) о новомъ, подоходномъ и поземельномъ обложеніи, 12) о земскихъ налогахъ, 13) о борьбѣ съ пьянствомъ, 14) о ремесленномъ и сельско-хозяйственномъ образованіи и 15) о реформѣ земства.

Однако, и этихъ практическихъ вопросовъ, поднятыхъ крестьянской организаціей, было достаточно для

того, чтобы московская губернская администрація пресѣкла ея жизнь, однимъ росчеркомъ пера показавъ, что для сермяжной Россіи и скромные размѣры самодѣятельности невозможны.

Крестьянская партія въ центрѣ Россіи прекратила свое существованіе, налаживающееся объединеніе разстроилось, но не заглохъ голосъ крестьянъ, не удовлетворяющихся рамками существующихъ «господскихъ» и «интеллигентскихъ» партій и пытающихся сказать свое, выстраданное и въ то же время простое, понятное всѣмъ слово. Во время выборовъ въ 4-ю Государственную Думу среди крестьянъ Западнаго края слагалась своя формулировка желаній и ожиданій отъ депутатовъ и законодательнаго учрежденія.

„Крѣпко надѣемся мы,—читаемъ въ правинціальныхъ газетахъ крестьянскія пожеланія,—на нашихъ выборныхъ членовъ Думы Государственной, что они, родные, всю правду матку Царю-Батюшкѣ перескажутъ, всю нужду нашу, всѣ слезы наши до Царя доведутъ".

Нужды крестьянскія излагаются въ такомъ видѣ:

„Нехай землю помѣщицкую, что къ мужикамъ черезъ банкъ отходитъ, оцѣниваютъ не банковщики одни, а комитеты изъ пановъ и мужиковъ, но такъ, чтобы мужиковъ въ этихъ комитетахъ было не два, не три, а на половину, не назначенные, а выбранные по совѣсти, всѣмъ міромъ.

„Еще надо законъ утвердить, чтобы земля мужицкая надѣльная не могла перейти въ другія руки, кромѣ мужицкихъ, чтобы земли у мужиковъ не убывало.

„Надо подумать и о томъ, чтобы лѣсъ отъ насъ не уходилъ, Богъ знаетъ куда, на чужую сторону.

„Каждый народъ, что въ царство наше вошелъ, землю съ собою принесъ, все одно какъ невѣста посагу (приданое), напримѣръ, поляки, латыши, татары и проч., а евреи земли съ собою не принесли, а потому имъ земли не должно быть и къ землѣ подпускать ихъ не надобно".

Вопросъ относительно налогового обложенія крестьянами рѣшается по справедливости: „кто больше получаетъ дохода или жалованья, тотъ больше и платитъ". Въ общественныхъ повинностяхъ необходимо извѣстное уравненіе.

„Десятскимъ и сотскимъ назначить жалованье, и чтобы на это жалованье подать шла и съ пановъ и съ мужиковъ, такъ какъ де-

сятскіе и сотскіе бѣгаютъ не по однимъ мужицкимъ дѣламъ, а и по панскимъ".

Больнымъ вопросъ деревни стало хулиганство, воровство и разбой. Крестьяне находятъ, что суды за такія преступленія „надобно утвердить построже". „Судьи и адвокаты говорятъ: мужикъ укралъ отъ бѣдности, надобно его пожалѣть. Это правда, что надобно пожалѣть мужика, ты и пожалѣй, да только добраго, а не худого, не злодѣевъ".

Общимъ желаніемъ крестьянъ является просвѣщеніе. „Темнота наша, да простота довѣрчивая—виноваты безмѣрно. Много училищъ надобно, чтобы въ каждой деревнѣ большой было по училищу и чтобы науки въ этихъ училищахъ было побольше, чѣмъ теперь и чтобы одно училище меньшее за большое цѣплялось. Окончилъ малецъ курсъ въ одномъ училищѣ, есть у тебя гроши, отдавай дальше, это кончилъ, еще дальше".

* * *

Въ сутолокѣ современнаго дня, въ погонѣ за послѣднимъ словомъ большой политики, въ увлеченіи политически-модными лозунгами, мы часто не слышимъ простыхъ, искреннихъ голосовъ жизни, не обращаемъ вниманіе на происходящій въ глубинѣ народныхъ низинъ процессъ самоопредѣленія. Мы такъ привыкли къ ходячимъ трафаретамъ, къ заѣзженнымъ формуламъ, къ политическимъ типамъ, къ зафиксированнымъ отпечаткамъ партійныхъ физіономій, являющихся въ сущности отраженіемъ двухъ-трехъ основныхъ теченій въ общественномъ настроеніи, что и будущую организацію крестьянъ воспринимаемъ лишь, какъ находящуюся въ сферѣ вліянія той или иной существующей партіи. Вотъ почему, подходя къ народнымъ массамъ, наши политики несутъ ему свое собственное опредѣленіе крестьянскихъ нуждъ, отмѣчая все, что не входитъ въ «Прокрустово» ложе разъ установленной схемы, какъ «навѣянное отъ лукаваго».

А между тѣмъ, тамъ въ глубинѣ Россіи, гдѣ нѣкогда была «вѣковая тишина», теперь идетъ незамѣтная снаружи, но интенсивная сама по себѣ, работа по выявленію сущности народной психологіи, по объединенію интересовъ, по строенію будущей крестьянской партіи. Подобно тому, какъ незамѣтная для поверх-

ностнаго наблюденія работа морскихъ коралловъ въ одно прекрасное время заявляетъ о себѣ появленіемъ прочнаго сооруженія — атола, такъ и крестьянская организація въ Россіи создастся вопреки ожиданію многихъ близорукихъ и политическихъ дѣятелей. Въ силу особаго положенія нашего крестьянства, являющагося самой господствующей, трудовой, демократической и національной частью населенія, его политическая организація будетъ естественно носить своеобразныя черты, слѣдовать своимъ законамъ морфологіи. Особое экономическое положеніе мелкаго собственника, обнаруживающаго большую тягу къ кооперації— объединенію хозяйственныхъ силъ, безъ сомнѣнія наложитъ и своеобразный отпечатокъ на политическую дѣятельность крестьянъ, въ представленіи которыхъ гармонично сочетаются «личность» и «міръ».

Голосъ непартійнаго или вѣрнѣе разно-партійнаго, но стремящагося къ единству крестьянства, раздался впервые въ 3-й Г. Думѣ. Тамъ лѣвые и правые крестьяне демонстрировали свою солидарность, подписавъ обращеніе къ всей Г. Думѣ съ предложеніемъ заняться разсмотрѣніемъ крестьянскихъ дѣлъ. Въ нынѣшней 4-й Г. Думѣ этотъ голосъ еще болѣе окрѣпъ при попыткѣ организовать значительную отдѣльную крестьянско-казачью группу.

Осень 1913 года, какъ извѣстно, принесла неожиданную перетасовку во всѣхъ думскихъ фракціяхъ, расколы и новообразованія среди устоявшихся, казалось, группъ. Подъ вліяніе перемѣнчивой погоды думскаго настроенія попала и крестьянская группа, которая съ начала 1914 года раскóлолась совершенно и часть членовъ ея образовали «независимую» группу.

Вырабатываемая на нѣсколькихъ собраніяхъ группы думскихъ крестьянъ, желательная программа народныхъ интересовъ, защищать которые ставятъ они своею цѣлью, касается, главнымъ образомъ, самыхъ насущныхъ вопросовъ крестьянскаго быта и преслѣдуетъ строго практическія цѣли. Въ этомъ отношеніи

она какъ бы развиваетъ и дополняетъ все то, что было положено въ основаніе съѣзда, проектируемаго бывшей въ свое время московской крестьянской партіей и то, что формулировали западные крестьяне въ своихъ предвыборныхъ ожиданіяхъ. И если прямой связи и преемственности крестьянской думской группы съ бывшей партіей и западными кружками нѣтъ, то идейная однородность чувствуется сильно. И это потому, что всѣ вышеупомянутыя попытки крестьянскаго самовыраженія, включая сюда и думскую группу, являются вспышками крестьянскаго самосознанія, элементами будущей широкой народной партіи въ Россіи, главное ядро которой несомнѣнно выростетъ изъ крестьянства.

Потребность въ такой народной партіи ощущается давно и потребность большая. Всѣ неудачи нашего обновительнаго реформаторства, вся нестройность и несогласованность думской работы, губительное вліяніе партійныхъ раздоровъ, въ большей степени происходитъ отъ того, что на сценѣ политической жизни у насъ почти совершенно отсутствуетъ самъ строитель великаго русскаго государства, его опора и защитникъ—народъ, трудовой слой городовъ и крестьянство. Съ его приходомъ въ общее русло государственной, общественной и мѣстной работы вольется большая, объединяющая сила. Цѣнность ея въ томъ, что она принесетъ съ собою, вмѣстѣ съ пугающимъ нашу бюрократію «демократизмомъ», несокрушимую любовь къ отечеству въ отстаиваніи государственной пользы и искреннюю вѣру въ великое будущее своей страны.

П. В. Васильевъ.

Сельская Русь и Государственная Дума.

I. Крестьяне-депутаты въ Думѣ.—II. Казацко-крестьянская группа.—III. Составъ группы и первые шаги.-IV. Задачи и работы группы.—V. Новая попытка организовать крестьянскую группу.—VI. Практическій выводъ.

I. Крестьяне-депутаты въ Думѣ.

Всякому извѣстно, что Россія—государство почти исключительно земледѣльческое, и что крестьянство составляетъ огромное большинство населенія въ нашемъ отечествѣ. Казалось бы, что и Государственная Дума должна бы была немалую долю своихъ силъ и вниманія посвятить интересамъ и нуждамъ многомилліоннаго крестьянства. Однако, ничего подобнаго мы не замѣчаемъ. И въ оправданіе этого невниманія часто приходится слышать отъ руководящаго правооктябристскаго большинства Думы заявленія, будто бы у крестьянства никакихъ особыхъ нуждъ и вопросовъ нѣтъ, да и быть не можетъ; будто бы интересы сельской Руси не только тѣсно и неразрывно связаны съ интересами прочихъ группъ населенія, но и совершенно съ ними тождественны; будто бы попытки объединить депутатовъ-крестьянъ въ особую группу, ставящую своей задачей выясненіе крестьянскихъ нуждъ,—праздная и даже вредная затѣя досужихъ политикановъ...

Но такъ ли это?

Думается мнѣ, что далеко не такъ! Всѣ подобныя

заявленія не находятъ себѣ никакого оправданія въ дѣйствительности. Особенность крестьянскихъ интересовъ неоднократно указывалась съ высоты Престола. Конечно, всѣ сословія и классы русскаго народа одинаково дороги Монарху. Государственныя заслуги каждаго изъ нихъ даютъ право на соотвѣтствующее вниманіе и заботливость. Но тѣмъ не менѣе Государю Императору неоднократно угодно было подчеркнуть свое исключительное вниманіе къ крестьянству, несмотря на свою многочисленность являющемуся классомъ, наиболѣе обездоленнымъ въ правовомъ отношеніи и наиболѣе слабымъ въ экономическомъ.

На это указываютъ намъ слѣдующія, разновременно произнесенныя слова Государя о крестьянствѣ:

«Выясненіе нуждъ столько близкаго Моему сердцу крестьянства Меня наиболѣе озабочиваетъ».

«Благо крестьянъ всегда Меня особенно заботитъ».

«Меня наиболѣе заботитъ вопросъ объ устройствѣ крестьянскаго быта и облегченіе земельной нужды трудящагося крестьянства».

«Изъ всѣхъ законопроектовъ, внесенныхъ по Моимъ указаніямъ въ Думу, я считаю наиболѣе важнымъ законопроектъ объ улучшеніи земельнаго устройства крестьянъ.

И, наконецъ, послѣднія слова Монарха, сказанныя имъ при пріемѣ думскихъ крестьянъ были слѣдующія:

«Я не забуду крестьянъ: ваши нужды Мнѣ дороги, Я о нихъ буду заботиться постоянно».

Такимъ образомъ съ высоты Престола удостовѣрена наличность особыхъ, специфическихъ «нуждъ крестьянства», отмѣчена особая цѣнность его «блага», указаны двѣ наиболѣе характерныхъ стороны крестьянскаго вопроса: экономическая («облегченіе зе-

мельной нужды») и правовая («устройство крестьянскаго быта»), и, наконецъ, обѣщано особое вниманіе Монарха къ законопроектамъ, касающимся крестьянства. Къ сожалѣнію, далеко нельзя того же сказать о большинствѣ Государственной Думы въ которой не только нуждамъ крестьянства не удѣляется должнаго вниманія, но даже и самыя попытки со стороны отдѣльныхъ депутатовъ организовать самостоятельную, независимую отъ существующихъ партій и группъ, особую крестьянскую группу встрѣтили самое откровенное недоброжелательство и противодѣйствіе, особенно на правомъ флангѣ. Это недоброжелательство, съ одной стороны, и недостаточная преданность народнымъ интересамъ отдѣльныхъ депутатовъ-крестьянъ, на свое депутатское званіе смотрящихъ, какъ на источникъ легкаго заработка, съ другой, привели къ тому, что всѣ попытки организовать все думское крестьянство, безъ различія партійныхъ склонностей, въ одно цѣлое не привели ни къ чему.

Исторію одной изъ такихъ попытокъ, въ которой и самъ я принималъ дѣятельное участіе, я и думаю изложить въ настоящей статьѣ.

II. Казацко-крестьянская группа.

Собственно говоря, и въ первыхъ трехъ Думахъ были попытки придать представителямъ многомилліоннаго крестьянства ту или другую организацію. Несомнѣнно, что «трудовыя группы» въ 1 и 2 Думахъ не только, по-преимуществу, состояли изъ депутатовъ-крестьянъ, но и были группами, объединявшими большинство ихъ. Въ 3-й Думѣ «трудовики» болѣе опредѣлились политически и заняли такую позицію, съ которой защита чисто крестьянскихъ нуждъ стала уже нѣсколько затруднительна, чтобы не сказать болѣе. Это обстоятельство и привело депутата Челышева и другихъ ему сочувствовавшихъ къ попыткѣ создать

особую крестьянскую группу въ той же 3-й Думѣ. Хотя изъ этой попытки ничего и не вышло, но всеже мысль уже была пущена въ оборотъ, зерно посѣяно, и стало проростать. Въ 4-й Думѣ, уже съ первыхъ дней ея существованія, среди крестьянъ различныхъ толковъ и направленій возникла мысль о крестьянской группѣ.

Съ другой стороны, и депутаты-казаки, образовавъ съ перваго же дня, внѣ-партійную «казачью группу» для совмѣстной разработки и проведенія въ Думѣ чисто казачьихъ вопросовъ, видѣли, что во многихъ отношеніяхъ казачество, какъ сельское населеніе, находится въ тѣхъ же экономическихъ, а отчасти и правовыхъ условіяхъ, что и крестьянство, почему проведеніе въ жизнь многихъ мѣропріятій, настоятельная необходимость которыхъ уже сознана казачествомъ, возможно лишь при условіи совмѣстной работы съ представителями крестьянства. Это заставило казаковъ также принять участіе въ организаціи особой внѣпартійной же «крестьянской группы».

Учрежденіе этой группы состоялось 24-го ноября 1912 года, причемъ на учредительное собраніе явилось 45 депутатовъ крестьянъ и казаковъ. Собравшіеся постановили:

„Для обсужденія и разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся крестьянскихъ и казачьихъ сельскихъ нуждъ и быта образовать отдѣльную думскую группу“, причемъ принять за правило, что въ „крестьянскую группу входятъ на правахъ дѣйствительныхъ ея членовъ, во-первыхъ, всѣ желающіе депутаты крестьяне, казаки и др. лица сельскихъ состояній, прошедшіе на выборахъ въ Думу какъ уполномоченные отъ волостей, станицъ, гминъ и т. п., а во-вторыхъ, представители тѣхъ губерній и областей, отъ которыхъ, согласно избирательному закону, въ Думу избирается лишь по одному депутату, такъ какъ на такихъ депутатахъ, естественно, лежитъ обязанность быть выразителями и крестьянскихъ нуждъ“.

Что же касается до членовъ Думы отъ рабочихъ и депутатовъ, принадлежащихъ лично къ крестьянскому сословію, но прошедшихъ не по крестьянскому цензу, то участіе ихъ въ группѣ допущено факульта-

тивно, подъ условіемъ особаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія общаго собранія группы.

Обратившись къ вопросу о причинахъ, вызывающихъ созданіе особой крестьянской группы, учредители нашли, что таковыми являются, съ одной стороны, несомнѣнная общность экономическихъ и правовыхъ интересовъ сельской, земледѣльческой Руси, а съ другой, наличіе въ 4-ой Думѣ достаточно значительнаго числа крестьянскихъ депутатовъ,—около 80-ти.

Первыя общія собранія группы были посвящены вопросамъ организаціоннаго характера: опредѣлены условія законности общихъ собраній, условія выступленій отъ имени группы и т. д. Кворумъ для обычныхъ общихъ собраній былъ установленъ въ $^1/_2$, а въ случаѣ выступленій отъ имени группы—въ двѣ трети общаго числа членовъ группы, причемъ самое выступленіе признано допустимымъ лишь при условіи одобренія со стороны не менѣе какъ $^3/_4$ кворума, а за несогласнымъ съ мнѣніемъ большинства меньшинствомъ признана лишь свобода голосованія, но не право дѣлать отдѣльныя выступленія отъ имени части группы.

III. Составъ группы и первые шаги.

Въ скоромъ времени число членовъ крестьянской группы дошло уже до 57-ми, причемъ въ группу вошли представители всѣхъ думскихъ партій, кромѣ с.-д., а именно: правыхъ—7, націоналистовъ—4, октябристовъ—10, прогрессистовъ—10, к.-д.—13, трудовиковъ—6, мусульманъ—3, безпартійныхъ—4. Еще на учредительномъ собраніи было признано полезнымъ участіе въ работахъ группы отдѣльныхъ лицъ, могущихъ своими указаніями и сотрудничествомъ облегчить группѣ достиженіе ея цѣлей, почему было сдѣлано постановленіе о приглашеніи, въ случаѣ надобности, въ засѣданія группы разныхъ свѣдущихъ лицъ, спеціалистовъ по крестьянскому вопросу, а также и по

другимъ вопросамъ, которыми будетъ заниматься группа. Вмѣстѣ съ тѣмъ засѣданія группы были признаны закрытыми, т. е. доступъ въ засѣданіе лицъ не принадлежащихъ къ составу группы былъ обусловленъ особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ общаго собранія, а передача въ печать свѣдѣній о работахъ группы была поручена особому бюро, которому ввѣрено и все завѣдываніе дѣлами группы. На почвѣ такого постановленія затѣялъ съ группой полемику въ газетахъ одинъ изъ депутатовъ-епископовъ, Никонъ, обратившійся въ группу съ нижеслѣдующимъ заявленіемъ: «Я прочелъ въ Новомъ Времени, что среди членовъ Думы образуется «крестьянская» группа, которая займется самыми насущными нуждами крестьянъ. Я всегда очень и очень былъ озабоченъ именно, прежде всего, этими нуждами и усердно просилъ бы партію (группу) принять меня въ свой составъ. Какъ я читалъ, члены партіи могутъ быть всякихъ Д. фракцій? Смѣю увѣрить, что я хочу потрудиться на благо бѣднаго народа, Епископъ Никонъ, Членъ Гос. Думы 27 н. 1912 г.» 28-го ноября это письмо было получено въ бюро группы и 29-го обсуждено на общемъ собраніи, причемъ было постановлено: «Въ виду невозможности принять епископа Никона въ члены группы, какъ неудовлетворяющаго требованіямъ п. 2 постановленія группы отъ 24 ноября с. г. (т. е. какъ прошедшаго въ Думу не по волостному цензу), пригласить его, согласно п. 5 того же постановленія, въ качествѣ гостя на одно изъ ближайшихъ засѣданій группы». Рѣшеніе группы было немедленно же передано епископу, причемъ сказано, что какъ только группа сконструируется окончательно и приступитъ уже къ обсужденію вопросовъ по существу, то онъ будетъ приглашенъ. Однако, епископъ не ожидая приглашенія разразился задорнымъ письмомъ въ «Новомъ Времени», которое поставило его въ совершенную невозможность участвовать въ работахъ группы. Многіе даже настаивали на необходимости отвѣтить ему въ печати же на рѣзкость

рѣзкостью; составлено было письмо въ редакцію отъ имени бюро группы, но затѣмъ было рѣшено оставить его вызовъ безъ отвѣта.

Въ составъ временнаго бюро группы вошли: К. К. Фирсовъ, И. Т. Евсѣевъ, П. Ф. Мерщій, М. М. Ичасъ и М. А. Карауловъ. Бюро въ первую очередь занялось составленіемъ плана работъ группы и намѣтило слѣдующій путь: закончивъ организацію группы, посвятить рядъ засѣданій группы на взаимное ознакомленіе и заслушаніе докладовъ отъ членовъ группы о наболѣвшихъ крестьянскихъ нуждахъ и вопросахъ, затѣмъ разобрать всѣ сдѣланныя заявленія и разсмотрѣть ихъ сначала въ групповыхъ комиссіяхъ, а потомъ и въ общихъ собраніяхъ, и, наконецъ, поручить тѣмъ же комиссіямъ разработать для внесенія въ Думу соотвѣтствующія законодательныя предположенія. Находя невозможнымъ заняться сразу всѣми вопросами, разрѣшеніе которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ насущнѣйшимъ интересамъ крестьянства, бюро полагало, что вопросы эти могутъ быть пріурочены къ какой-либо изъ сторонъ сельской жизни: церковь, школа, управленіе, судоустройство, землепользованіе, а потому предложило группѣ начать обмѣнъ мнѣній съ вопросовъ послѣдней категоріи, какъ наиболѣе тѣсно связанныхъ со всѣмъ укладомъ крестьянскаго быта. Всѣ предположенія бюро были одобрены общимъ собраніемъ группы, и работа будто бы наладилась.

IV. Задачи и работа группы.

Общими задачами группы, въ ближайшую очередь, были намѣчены, во-первыхъ, разсмотрѣніе, обсужденіе и внесеніе въ Государственную Думу отъ имени крестьянской группы законопроектовъ, направленныхъ къ улучшенію хозяйственнаго быта и правового положенія крестьянъ и казаковъ; во-вторыхъ, общая совмѣстная защита ихъ интересовъ въ Думѣ, и въ-третьихъ,

освѣщеніе съ крестьянской точки зрѣнія вопросовъ общаго значенія: финансовыхъ, народнаго образованія и др.

Декларація предсѣдателя совѣта министровъ явилась пробнымъ камнемъ, на которомъ получила первое испытаніе способность группы къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Послѣ весьма оживленнаго обмѣна мнѣніями по вопросу, слѣдуетъ ли выступать группѣ съ отвѣтомъ на декларацію, и если да, то въ какомъ смыслѣ, было рѣшено съ програмными рѣчами отъ имени группы не выступать, а ограничиться оглашеніемъ въ общемъ собраніи Думы особаго заявленія слѣдующаго содержанія:

„Думская Крестьянская Группа, считая для себя въ настоящее время невозможнымъ выступить съ всестороннимъ политическимъ отвѣтомъ на декларацію г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ, находитъ, однако, необходимымъ отмѣтить, съ одной стороны, полное умолчаніе въ деклараціи о цѣломъ рядѣ мѣропріятій, касающихся насущнѣйшихъ крестьянскихъ нуждъ первостепеннаго значенія, какъ-то: о реформѣ правового положенія крестьянъ, о мѣрахъ къ устраненію малоземелья, объ освобожденіи предметовъ первой необходимости отъ налоговъ, о сложеніи съ крестьянъ натуральныхъ повинностей, о борьбѣ съ пьянствомъ и другими народными бѣдствіями, а съ другой стороны, и недостаточное освѣщеніе иныхъ, не менѣе важныхъ для крестьянства общегосударственныхъ вопросовъ, а именно: общественнаго призрѣнія, дорожнаго дѣла и, въ особенности народнаго образованія, страдающаго отъ междувѣдомственной розни и вредной тенденціозности. Признавая необходимымъ отмѣтить неполноту правительственной программы по вопросамъ, касающимся интересовъ широкихъ массъ населенія и, въ частности, крестьянъ, мы заявляемъ Государственной Думѣ, что всѣ интересующіе крестьянство вопросы будутъ выдвинуты крестьянской группой въ свое время и тогда должнымъ образомъ освѣщены съ крестьянской точки зрѣнія“.

Наибольшее вниманіе группа удѣлила вопросамъ землеустройства и крестьянскаго землепользованія. Обмѣну мнѣній по этимъ вопросамъ посвященъ былъ рядъ общихъ собраній группы. Для детальнаго разсмотрѣнія законопроектовъ по этимъ вопросамъ, внесенныхъ въ Думу правительствомъ, образована была спеціальная земельная комиссія, имѣвшая нѣсколько засѣда-

ній. Эта комиссія не ограничилась только критикой деталей правительственнаго законопроекта, но затронула вопросъ глубже, чѣмъ онъ трактовался законопроектомъ и, между прочимъ, почти единогласно постановила слѣдующее:

„Справедливость и государственная цѣлесообразность требуютъ, чтобы казенныя земли были переданы нуждающимся крестьянамъ безвозмездно; что законопроектъ относительно способовъ безплатнаго надѣленія крестьянъ землей долженъ быть разрѣшенъ независимо отъ представленнаго главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія законопроекта, и что выработанный такимъ образомъ законопроектъ долженъ имѣть своимъ объектомъ не только Россію Европейскую, но и прочія мѣстности Имперіи, гдѣ имѣются казенныя земли".

Что касается до разработки самостоятельныхъ законопроектовъ и внесенія ихъ отъ имени группы въ Думу, то это дѣло крайне затормозилось, такъ какъ въ группѣ уже въ февралѣ 1913 года пошелъ крупный разладъ, обезсиливший группу. Члены группы, представители крайнихъ теченій (какъ лѣваго, такъ и праваго), уже съ самаго начала относившіеся несочувственно къ мысли объ образованіи крестьянской группы на совершенно независимыхъ началахъ, т. е. съ выходомъ изъ партій, стали упорно и рѣшительно настаивать на томъ, чтобы группа совершенно не занималась вопросами политическими, а ограничила свою дѣятельность исключительно сферой вопросовъ узко экономическихъ. Сколько ни доказывали сторонники крестьянскаго единства, что группѣ, при такихъ условіяхъ, грозитъ явная смерть, такъ какъ нѣтъ ни одного экономическаго вопроса, который не находился бы въ самой тѣсной и неразрывной связи съ тѣмъ или другимъ политическимъ вопросомъ,—все было напрасно: одни не могли обхватить вопросъ достаточно широко и глубоко, а другіе просто не хотѣли понимать и поэтому не принимали никакихъ доводовъ.

Особенно старались разбить организовавшуюся крестьянскую группу правые, причемъ въ выборѣ средствъ не стѣснялись: пускались въ ходъ слухи о

возможности роспуска Думы въ случаѣ, если крестьяне выкажутъ прогрессивное настроеніе, настраивалось крестьянство противъ казаковъ, подвергалась сомнѣнію и опроверженію принадлежность отдѣльныхъ руководителей группы къ крестьянству, дѣлались въ Думѣ контръ-выступленія и т. п. И все это привело къ желанному результату: группа постепенно разбрелась врозь.

V. Новая попытка организовать крестьянскую группу.

Съ началомъ второй сессіи возобновились попытки организовать думское крестьянство. На этотъ разъ начала были существеннымъ образомъ измѣнены: въ группу принимались исключительно одни крестьяне и предполагалось, образуя группу, тотчасъ же выйти изъ прочихъ думскихъ партій. Эти начала объединили было группу до 30-ти человѣкъ, поставившую своей задачей скорѣйшее проведеніе черезъ Государственную Думу законопроектовъ: объ уравненіи въ правахъ крестьянъ съ другими сословіями, о земскомъ и волостномъ самоуправленіи, объ улучшеніи народнаго благосостоянія, о народномъ образованіи и другихъ, имѣющихъ цѣлью общее поднятіе культурнаго уровня въ крестьянской средѣ.

Была выработана и особая программа группы, составленная изъ слѣдующихъ 14-ти §§:

§ 1. Полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

§ 2. Отмѣна всѣхъ личныхъ натуральныхъ повинностей, какъ лежащихъ, главнымъ образомъ, на крестьянахъ.

§ 3. Реформа земскаго избирательнаго закона.

§ 4. Скорѣйшее проведеніе земскаго волостного самоуправленія и введеніе началъ земскаго самоуправленія въ мѣстностяхъ, въ коихъ оно не введено.

§ 5. Отводъ необходимыхъ для цѣлей крестьянскаго землеустройства земель: казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и другихъ, находящихся въ распоряженіи казны, съ предоставленіемъ особыхъ преимуществъ мѣстному населенію и „на условіяхъ, которыя для этого будутъ установлены“.

§ 6. Реорганизація Крестьянскаго Банка не на коммерческихъ началахъ, а на приниципахъ дѣйствительной помощи безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ въ дѣлѣ землеустройства.

§ 7. Содѣйствіе казны при покупкѣ крестьянами земель у частныхъ лицъ по взаимному ихъ соглашенію при посредствѣ крестьянскаго банка.

§ 8. Содѣйствіе казны при переселеніи крестьянъ и предоставленіе льготъ при заселеніи ими свободныхъ казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и другихъ земель.

§ 9. Всеобщее обязательное обученіе, доступное и безплатное, единая школа; развитіе сѣти высшихъ начальныхъ училищъ въ деревняхъ; предоставленіе права преподаванія на родномъ языкѣ учащихся; предоставленіе права частнымъ лицамъ и учрежденіямъ открывать явочнымъ порядкомъ: учебныя заведенія разныхъ типовъ, курсы, библіотеки и иныя просвѣтительныя учрежденія.

§ 10. Введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и отмѣна косвенныхъ налоговъ.

§ 11. Реорганизація церковнаго прихода въ связи съ матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства.

§ 12. Мѣропріятія по борьбѣ съ пьянствомъ.

§ 13. Широкое развитіе кооперативныхъ организацій при помощи правительства и земскихъ учрежденій.

§ 14. Реорганизація продовольственнаго дѣла съ привлеченіемъ къ участію въ таковомъ широкихъ слоевъ населенія.

Казалось, что организація внѣпартійной, независимой отъ прочихъ думскихъ группъ и фракцій, крестьянской группы близка къ окончательному осуществленію. Однако, дѣйствительность готовила иное. Оставалось лишь избрать исполнительный органъ группы и приступить къ работѣ. Но тутъ вновь на сцену выступаютъ тѣ же крушители крестьянской сплоченности, которые дѣйствовали въ первую сессію: вновь ставится на обсужденіе вопросъ о выходѣ изъ партій и, послѣ бурнаго обмѣна мнѣніями, проваливается правымъ большинствомъ... и опять вопросъ ставится въ исходное положеніе. Начинается «сказка про бѣлаго бычка».

Получившее перевѣсъ въ группѣ, правое большинство избираетъ свое бюро, но совершенно игнорируетъ выработанную послѣ долгихъ споровъ и разговоровъ программу. Даже самый вопросъ о томъ, существуетъ ли въ настоящее время въ Думѣ крестьянская группа,

остается открытымъ. Правда, въ теченіе зимы 1914 года въ Думу поступило нѣсколько законодательныхъ предположеній, касающихся крестьянскихъ нуждъ и интересовъ, однако, неясно и сейчасъ, кто собственно и въ какомъ порядкѣ разрабатывалъ эти законодательныя предположенія, и кто будетъ ихъ проводить въ комиссіяхъ и въ общемъ собраніи Думы?

VI. Практическій выводъ.

Такимъ образомъ, приходится, въ концѣ концовъ, констатировать полную, для даннаго, по крайней мѣрѣ, момента, безуспѣшность попытокъ организовать крестьянъ-депутатовъ и направить ихъ по тому пути, по которому должны были бы идти «богатыри мысли и дѣла», призванные съ высоты Престола къ «дѣлу обновленія и возрожденія нашей святой Родины». А между тѣмъ такое объединеніе не только возможно, не только желательно,—оно неизбѣжно: рано или поздно оно состоится. Многомилліонная масса крестьянъ все-таки основаніе всего нашего государства. Многочисленныя нужды крестьянства — нужды государства, такъ какъ только съ поднятіемъ и упроченіемъ крестьянскаго благосостоянія, только съ упорядоченіемъ его правового положенія, съ обезпеченіемъ за нимъ необходимыхъ правъ, съ развитіемъ въ крестьянскихъ массахъ предпріимчивости и иниціативы, сознанія собственнаго достоинства, твердости и независимости,— можно серьезно поднимать вопросъ о возрожденіи обновленной Родины, о созданіи Великой Россіи, сильной экономически и твердой духомъ.

Объединеніе крестьянъ-депутатовъ желательно и потому, что въ Думѣ партіи объединяютъ, главнымъ образомъ, помѣщиковъ и крупную буржуазію и мало заинтересованы въ удовлетвореніи крестьянскихъ нуждъ въ цѣломъ. Въ силу такого положенія дѣлъ крестьянскіе вопросы требуютъ постояннаго и неуклоннаго

выдвиганія на очередь, постояннаго подчеркиванія ихъ значенія въ ряду другихъ общегосударственныхъ вопросовъ, взаимной между ними связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы эти вопросы выдвигались не случайно, не попутно, а въ извѣстномъ цѣльномъ видѣ, систематически, дабы основной вопросъ обновленной Россіи,—крестьянскій,—не разбился на мелкія, безсвязныя и случайныя попытки частичнаго удовлетворенія отдѣльныхъ, наиболѣе обостренныхъ нуждъ народныхъ массъ. Надо прежде, чѣмъ строить Великую Россію, подвести подъ нее соотвѣтствующій прочный фундаментъ и не забывать, что такимъ фундаментомъ можетъ быть лишь крестьянское экономическое благополучіе и духовная, нравственно-правовая мощность. Надо не забывать, что Россія—государство крестьянское. «Не было бы пахотника», говоритъ гласъ народа, «не было-бъ и бархатника»...

Обратить должное вниманіе законодательныхъ учрежденій на первенствующее значеніе крестьянскаго вопроса—несомнѣнно, дѣло самихъ крестьянъ, которые поэтому неизбѣжно должны объединиться для исполненія лежащей на нихъ великой, непосильной отдѣльнымъ лицамъ задачи. Однако, всѣ прежнія попытки показываютъ, что это объединеніе должно быть чуждо сословной замкнутости, такъ какъ чѣмъ богаче силами будетъ группа, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ въ ней работа, тѣмъ скорѣе и правильнѣе будетъ достигнута конечная цѣль. Для всякаго, вѣдь, должно быть ясно, что нѣтъ никакой необходимости быть самому крестьяниномъ для того, чтобы знать крестьянскія нужды, придавать должное значеніе крестьянскимъ интересамъ и правильно разрѣшать крестьянскій вопросъ.

Все это, въ конечномъ итогѣ, приводитъ къ одному заключенію. При всемъ множествѣ партій въ Государственной Думѣ и, быть можетъ, именно въ силу ихъ множественности, влекущей за собою и дробность, въ ней ощущается недостатокъ партіи съ болѣе широкимъ фронтомъ. Дѣло въ томъ, что государственно-

національное сознаніе въ странѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ въ странѣ и оппозиціонность, или, скорѣе, накопляется политическая энергія въ потенціи, требующая себѣ примѣненія и выхода въ той или другой формѣ. Между тѣмъ ни одна партія не ставитъ своей задачей объединить обѣ эти силы, являющіяся наиболѣе дѣйствующими факторами настоящаго момента. Съ другой стороны, истинно демократическія фракціи Думы, занявъ крайнюю лѣвую, предпочли роль совершенно не только безотвѣтственной, но и вполнѣ бездѣятельной (въ смыслѣ реальной законодательной работы) оппозиціи; что же касается прочихъ фракцій, именующихъ себя демократическими, то въ отношеніи ихъ нельзя не признать, что такое наименованіе имъ далеко не къ лицу, такъ какъ по существу онѣ—аристократическая организація, съ той лишь, между собою, разницей, что въ однѣхъ руководятъ аристократы рода, въ другихъ — аристократы положенія, въ третьихъ—аристократы науки. Причемъ и тѣ, и другіе, и третьи проявляютъ опредѣленныя тенденціи «просвѣщеннаго абсолютизма» болѣе, чѣмъ дѣйствительное стремленіе къ развитію «народной свободы».

Такой партіей болѣе широкаго фронта могла бы быть складывающаяся національно-прогрессивная «народная партія», а думской ея фракціей можетъ служить существующая уже группа «независимыхъ», объединяющая тѣхъ депутатовъ, въ глазахъ которыхъ націонализмъ не отождествляется съ реакціонностью, прогрессивность—съ космополитизмомъ, либерализмъ—съ республиканствомъ и монархизмъ—съ бюрократизмомъ. Конечно, нельзя сейчасъ сказать съ полной увѣренностью, что обстоятельства вполнѣ благопріятствуютъ образованію такой именно партіи въ настоящій моментъ, но тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе ясно, что такая партія имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ въ странѣ, что ея обра-

зованіе вполнѣ возможно, что появленіе ея на политической аренѣ крайне желательно и что рано или поздно такая партія, какъ дѣйствительная представительница трудовыхъ народныхъ слоевъ, должна занять извѣстное мѣсто въ русской политической жизни.

Членъ Государственной Думы *М. А. Караулов*ъ.

Кризисъ умѣренныхъ партій и способъ его разрѣшенія.

I.

Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за смутнымъ временемъ, при П. А. Столыпинѣ, появилась политическая партія, получившая названіе «всероссійскаго національнаго союза». Въ составъ этого союза вошли представители тѣхъ теченій, которые не могли мириться съ космополитизмомъ нашего либерализма. Отрицательный признакъ—общность протеста—объединялъ членовъ союза. Націоналисты почитали себя призванными спасать государство отъ развала, русскій народъ—отъ денаціонализаціи. Но вотъ сложная эволюція нашей политической жизни привела къ успокоенію страны. Какъ миражъ, развѣялись всѣ опасенія за ея цѣлость и единство. Національная партія, разсуждавшая вполнѣ правильно, что прежде всего «Россія», а потомъ «свобода», очутилась предъ послѣднимъ лозунгомъ лицомъ къ лицу.—П. А. Столыпинъ «отстаивалъ Россію». Это ему удалось вполнѣ. Его преемникамъ выпала на долю почтенная задача: «создавать великую Россію». Однако, преемники предпочли реформамъ status quo. Національный союзъ долженъ былъ оказаться при такихъ условіяхъ въ оппозиціи правительству, т. к. программа союза недвусмысленно требовала широкихъ мѣръ содѣйствія національно-культурному самоопредѣленію русскаго народа. И мы видимъ

теперь высоко поучительное явленіе: въ національномъ союзѣ постепенно выявляются его составныя, различнаго происхожденія, силы. Расколъ въ партіи неизбѣженъ, и во всякомъ случаѣ онъ не за горами, и вотъ почему.

Русское, національное и ясно познанное, въ качествѣ такового, движеніе началось нѣсколько столѣтій тому назадъ въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства и выразилось обороною отъ полонизма и католицизма учрежденіемъ западно-русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ, т. е. обществъ взаимопомощи духовно-просвѣтительной и матеріальной. Съ паденіемъ Польши и упраздненіемъ уніи, братства, казалось, утратили свое значеніе. Постепенно они закрылись: охрана національныхъ интересовъ перешла въ руки русскаго правительства. Послѣднее, однако, по обыкновенію дѣйствовало и здѣсь безъ всякой планомѣрности. Чиновники-администраторы вели дѣло «по казенному», озлобляя то поляковъ, то русскихъ. Первыхъ угнетали, какъ націю, вторымъ равно было запрещено объединяться въ какія либо общественныя организаціи. И въ повседневной жизни десятилѣтіями шла скрытая, глухая и безпощадная борьба сплотившагося въ своемъ отчаяніи польскаго общества противъ русскихъ людей, номинальныхъ хозяевъ края. Одновременно вся мѣстная промышленность и торговля очутились въ рукахъ инородцевъ, которые закабаливали рядового бѣднаго русскаго обывателя.

Въ такомъ состояніи застало смутное время всѣ девять губерній западныхъ. Вотъ почему, въ городахъ по ту сторону черты осѣдлости,—произошелъ взрывъ годами накапливавшихся національныхъ разногласій, вызванныхъ столько же общими условіями жизни, сколько и законодательствомъ стараго строя. Положительность же русскаго національнаго чувства господствовавшаго въ краѣ, сказалась въ томъ, что въ разгаръ желѣзнодорожной забастовки дороги западнаго края, обслуживавшіяся русскими людьми, функціонировали

въ соотвѣтствующихъ частяхъ, по мѣрѣ возможности. И оттуда, съ запада, пошла извѣстная циркулярная телеграмма желѣзнодорожныхъ служащихъ, умолявшая товарищей, во имя любви къ отечеству, и хотя бы изъ жалости къ нимъ, сослуживцамъ, обреченнымъ на голодъ во время забастовки, таковую прекратить...

Въ девяти губерніяхъ западныхъ «смута» не разыгралась. Однако, западно-русскій національнизмъ, въ существѣ своемъ отнюдь не былъ проникнутъ реакціоннымъ духомъ. Его политическіе идеалы часто не были вполнѣ ясны, такъ какъ заслонялись національными. Но онъ былъ преемникомъ братствъ, днѣпровскаго казачества, Константина Острожскаго и Петра Могилы. Его славныя традиціи обязывали не къ жалкому оппортунизму, но къ беззавѣтному служенію великому дѣлу возрожденія отечества.

Все это сознается и нѣкоторыми окраинными національстами. Изъ Кіева Шульгинъ и его единомышленники еще недавно напоминали западнымъ депутатамъ думской фракціи, что имъ надлежитъ порвать съ національ-реакціонерами и энергично добиваться осуществленія въ Россіи правовыхъ гарантій. Одновременно и параллельно, наши зарубежные, отъ одинаковыхъ источниковъ произошедшіе, національсты Руси Подъяремной, во главѣ съ галичанами Д. А. Марковымъ, Куриловичемъ и Дудыкевичемъ, отстаивая въ парламентѣ и печати русскую народность отъ нѣмецко-польско-мадьярскаго натиска, всѣ безъ исключенія ведутъ опредѣленно прогрессивную политику. Далѣе, западно-русскій національнизмъ, подобно австро-русскому, получилъ свою внѣшнюю организацію при конституціи, обязанъ ей существованіемъ и непосредственно заинтересованъ въ ея развитіи и укрѣпленіи.

Русскій окраинный національнизмъ, по происхожденію своему глубоко демократическій, долженъ быть во всеуслышаніе таковымъ и объявленъ. Наступаетъ время, когда національстамъ придется приступить къ осуществленію положительныхъ идеаловъ своей программы.

Естественно если западно-русскій національнизмъ, какъ здоровое общественное явленіе, приметъ направленіе, соотвѣтствующее потребностямъ времени и жизни. И въ отвѣтъ на популярный лозунгъ взращенныхъ Австріей «украинцевъ»: «Украйна безъ хлопа и пана», раздастся кличъ: «Русь безъ барина и мужика»...

Совсѣмъ иное происхожденіе, иную эволюцію и иныя задачи имѣетъ тотъ русскій національнизмъ, который, по справедливости, зовется человѣконенавистническимъ, зоологическимъ. Въ то время, какъ часть западно-русскихъ людей преслѣдовала цѣли обороны и не зарекалась отъ представительнаго строя, другіе наши національнисты, именно, боролись и борются противъ свободы, проповѣдываютъ угнетеніе инородцевъ. Сей послѣдній національнизмъ исчерпывается извѣстною старою формулою. Его духовными отцами были Аракчеевъ, Растопчинъ, Шешковскій; его публицистами—Сенковскій, Гречъ, Булгаринъ, Катковъ, Грингмутъ; драматургомъ—Несторъ Кукольникъ; государственными дѣятелями—гр. Дмитрій Толстой, Побѣдоносцевъ, Н. Муравьевъ, Плеве. Этотъ «національнизмъ» не уважалъ никакой и, конечно, и русской націи. Высокими словами онъ прикрывалъ сущность карьеризма и своекорыстія. И онъ, этотъ національнизмъ офиціозовъ и рептилій, искавшій себѣ опору въ квасномъ патріотизмѣ подонковъ общества, городской черни, именно, и питалъ то космополитическое настроеніе нашей интеллигенціи, которое погубило освободительное движеніе и, по справедливости, можетъ быть названо проклятіемъ русской дѣйствительности.

Законъ 3 іюня 1907 года обезпечилъ за крупнопомѣстнымъ, преимущественно, дворянскимъ элементомъ преобладаніе въ большинствѣ губернскихъ избирательныхъ собраній. Пользуясь этимъ закономъ и будучи уже привиллегированы земскимъ положеніемъ 1890 года, господа цензовые дворяне сплотились въ прочную провинціальную олигархію. Очень многіе изъ нихъ назвали себя либо національнистами, либо октябристами.

Подъ этими флагами они прошли въ Думу и тамъ зовутся теперь правыми націоналистами и октябристами. Между ними лишь та разница, что вторые болѣе іезуитски (Шубинской, Беннигсенъ), а первые болѣе открыто (Балашевъ, Ветчининъ) поддерживаютъ политику топтанія на одномъ мѣстѣ.

Правые націоналисты показали, что вся ихъ политическая программа исчерпывается заботами объ охранѣ привилегій класса, къ которому они принадлежатъ. Дальше и больше у нихъ ничего нѣтъ!

Разныхъ отцовъ дѣти, различнаго политическаго воспитанія и характера люди сошлись въ одной партіи. Ея распаденіе явится въ силу этого событіемъ неизбѣжнымъ и естественнымъ.

II.

Имѣвшій мѣсто минувшей осенью окончательный расколъ въ думской фракціи октябристовъ объясняется также различнымъ политическимъ происхожденіемъ партійнаго состава союза 17 октября

Время 1905 — 1907 гг. сопровождалось смутою много большею въ умахъ, чѣмъ въ дѣлахъ. По причинамъ уже упомянутымъ, тогда наступила прежде всего реакція противъ, казалось, прочно установившихся: казеннаго православія, омертвѣвшаго въ своей обрядности,—фактическаго «самодержавія» и произвола главъ отдѣльныхъ казенныхъ вѣдомствъ, по имени министровъ,—и печальной народности, олицетворявшейся рваным зипуномъ поверхъ русской рубашки, лаптями и бутылкою опять-таки казеннаго зелена-вина.

Нашъ интеллигентскій радикализмъ сразу ударился въ крайность вовсе противоположную. Озлобленная столѣтіемъ безправія и насилія, интеллигенція въ большей своей части пошла подъ знаменемъ борьбы съ русской національной государственностью.

Нѣкоторое, относительно ничтожное меньшинство интеллигенціи, именно, лица, обладавшія болѣе крѣпкими нервами и лучшею политическою выдержкою, отказались примкнуть къ общему теченію. Рѣзко отмежевывая себя отъ правыхъ и принявъ къ руководству и исполненію программу конституціонныхъ реформъ, согласно великаго Манифеста, они рѣшили всѣми силами отстаивать единую и нераздѣльную Имперію Россійскую отъ посягательствъ сепаратистовъ и неприкосновенность права собственности отъ покушеній соціалистовъ и, испугавшихся передъ послѣдними, конституціоналистовъ-демократовъ.

Такъ создался союзъ 17 октября, учрежденный, преимущественно, весьма почтенными, незапятнанной политической репутаціи, людьми, какъ графъ Гейденъ, Хомяковъ, Шидловскій, Годневъ, бар. Мейендорфъ, бар. Корфъ и др. Впослѣдствіи, кое-кто изъ этихъ лицъ, не желая имѣть ничего общаго съ вошедшею въ партію массою, уходилъ изъ союза и основывалъ партіи однороднаго направленія, но другихъ названій,—напримѣръ: «мирное обновленіе», «демократическіе конституціоналисты» и т. п. Всѣ эти партіи влачили эфемерное существованіе. Большая же часть достойныхъ людей въ союзѣ 17 октября не покидала его, надѣясь въ будущемъ, благодаря своему авторитету, руководить его судьбами.

Въ ноябрѣ 1913 года эта надежда окончательно ихъ оставила и они порвали съ остальною фракціею.

Кто же эти «остальные», октябристы, главная масса фракціи и, очевидно, и самой партіи на мѣстахъ?

Большая часть изъ нихъ состоитъ изъ, такъ называемыхъ, доконституціонныхъ «либеральныхъ» земцевъ, которые избирались и трудились на основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года и почти исключительно принадлежатъ къ забронированному тѣмъ закономъ большинству земскихъ собраній—изъ цензовыхъ дворянъ.

Въ 1905 году слѣва сказали: «долой законы 1889 и

1890 гг.!» И, немедленно, весь земскій «либерализмъ» этихъ земцевъ исчезъ, какъ дымъ.

Провинціальные Митрофаны, Чичиковы и Тентетниковы поняли, что при безсословномъ режимѣ имъ не сдобровать, что сословная привилегія до тѣхъ поръ замѣняла имъ образовательный цензъ, добровѣстность и трудоспособность, и...преисполнились «страха іудейска» передъ либерализмомъ подлиннымъ.

Но куда примкнуть? Прежняя фронда все же кое къ чему обязывала. А тутъ какъ разъ объявились октябристы! Вотъ къ нимъ и повалили струсившіе либералы: благо октябристы заступились хотя за право собственности.

Доказательствомъ правильности нашего взгляда на происхожденіе большинства тѣхъ «октябристовъ», отъ которыхъ, изъ фракціи, ушли «ноябристы», служитъ то обстоятельство, что въ первой и второй Государственныхъ Думахъ октябристы праваго толка были совсѣмъ слабо представлены, и что, единственно, благодаря закону 3 іюня 1907 года, открылся широкій и, опять-таки, забронированный доступъ представителямъ цензового землевладѣнія. Тѣ изъ нихъ, которые ранѣе смутнаго времени принадлежали къ правому меньшинству и страдали, такъ сказать, органическимъ порокомъ холопства и карьеризма, сѣли въ Таврическомъ дворцѣ на крайнемъ правомъ флангѣ или въ рядахъ націоналъ-реакціонеровъ. Бывшіе же либералы пришли къ лидеру союза 17 октября, А. И. Гучкову, поклонились ему и сказали: «Володѣй нами, только спаси наши и родныхъ нашихъ хлѣбныя мѣстечки въ провинціи отъ захвата демократическою интеллигенціею».

Во время раскола, въ особую земскую группу центра выдѣлилось около 50 октябристовъ, приверженцевъ Гучкова, который самъ былъ забаллотированъ на выборахъ въ 4-ю Государственную Думу. Конечно, это все суть олигархи злѣйшіе, стоящіе зорко на стражѣ крупно-землевладѣльческаго засилья въ земскихъ губерніяхъ и позволяющіе себѣ на де-

шевку либеральничать въ дѣлахъ, ихъ шкурныхъ интересовъ не касающихся. Симъ послѣднимъ качествомъ они только и отличаются отъ самаго праваго крыла бывшей фракціи, Шубинскаго, Скоропадскаго и присныхъ, которымъ окончательно надоѣла конституціонная маска.

Нельзя измѣнять status quo или можно лишь видоизмѣнять его, не искажая сущности. Въ противномъ случаѣ нечего будетъ ѣсть. Такова логика всѣхъ нашихъ правыхъ, правыхъ націоналистовъ,— бывшихъ консервативныхъ земцевъ, правыхъ и «центральныхъ» октябристовъ, — бывшихъ «либеральныхъ» земцевъ. Таковъ сокровеннѣйшій смыслъ ихъ дѣйствій. Совсѣмъ не одно только правительство тормозитъ русскую жизнь. Правительство вынуждено считаться съ направленіемъ большинства законодательныхъ палатъ, выродившагося въ сплоченную олигархію, которая вѣщаетъ высокія слова и труситъ за свой карманъ и за свою власть.

III.

Конституція создана отнюдь не ради утвержденія status quo. Тѣ, кто думаютъ иначе, суть сознательные ея враги. До сихъ поръ въ Государственной Думѣ IV созыва правые всѣхъ оттѣнковъ фактически останавливали законодательство. Такъ было еще задолго до октябристскаго раскола. Но если прогрессивные элементы обѣихъ фракцій нерѣдко задумывались, какой тактики держаться и какъ голосовать, то правые фланги дѣло свое знали твердо. «Беречь Думу, беречь земско-дворянскую, крупно-цензовую привиллегію, ѣсть вермишель»,—сей лозунгъ объединялъ Балашева съ Шубинскимъ и Ветчинина со Скоропадскимъ.

Крайняя правая послѣдовательнѣе. Она не боится лишиться генеральскихъ окладовъ. Она не перестаетъ надѣяться, что за отсутствіемъ работоспособнаго большинства Г. Дума будетъ распущена безъ назначенія

срока новыхъ выборовъ. Тогда все потерянное съ лихвою вернется. Замысловскій будетъ товарищемъ министра юстиціи, Марковъ 2-й—внутреннихъ дѣлъ, Пуришкевичъ—народнаго просвѣщенія. Ихъ соратники въ Думѣ и внѣ ея сдѣлаются прокурорами палатъ, попечителями учебныхъ округовъ, губернаторами...

Въ атмосферѣ своекорыстія пребываетъ и ею неизмѣнно дышетъ правое крыло Г. Думы. Но въ чемъ же заключаются задачи лѣваго крыла? Этотъ вопросъ можно съ увѣренностью назвать больнымъ для нынѣшней Г. Думы. Сперва въ ней вовсе не было ясной, опредѣленной границы—между врагами и приверженцами конституціи. Только недавно эта граница проведена выходомъ изъ фракціи 22 октябристовъ. Лишь теперь можно съ увѣренностью сказать, что все, сидящее отъ сихъ послѣднихъ направо, начиная отъ «земцевъ» г-на Родзянки, настроено олигархически и будетъ всемѣрно отстаивать администрацію 1889 г., земство 1890 г., избирательную систему 1907 г., т. е. всѣ три «кита», на коихъ покоится нашъ status quo.

Однако и нынѣ, когда прогрессивныя партіи въ Г. Думѣ все еще не конституировались окончательно, правые уже объединены въ голосованіяхъ, всегда знаютъ, чего нужно добиваться, а потому представляютъ собой извѣстную дисциплинированную силу и такое большинство, которое никогда не распадется въ дѣлахъ «хлѣба насущнаго».

Но намъ кажется, что опредѣленно выраженное отрицательное отношеніе именно къ тѣмъ же устоямъ, т. е. къ законамъ 1889, 1890 и 1907 гг., должно же объединять лѣвыхъ націоналистовъ, лѣвыхъ октябристовъ, многихъ депутатовъ партіи центра, прогрессистовъ, поляковъ, мусульманъ, кадетовъ. Эти законы могутъ собрать вокругъ себя въ Г. Думѣ оппозицію въ числѣ не менѣе 200 голосовъ, что—еще меньшинство. Но разъ только оно сплочено, то не сдобровать и большинству.—Съ другой стороны, есть основаніе

надѣяться, что кое-кто изъ октябристовъ—«земцевъ» устыдится и присоединится. А тогда будетъ и большинство.

Думскій блокъ оппозиціи есть только вопросъ тактики, не имѣющій прямой связи, съ соотвѣтствующими программами. Одновременно съ блокомъ приходится серьезно подумать и о политическомъ содержаніи нашихъ прогрессивныхъ группъ. У октябристовъ, конечно, имѣется ихъ старая платформа. Но опытъ показалъ, что дѣло не столько въ словахъ, сколько въ опредѣленномъ честно-прогрессивномъ настроенія. 22 «ноября»—прогрессисты національнаго толка. Это сближаетъ ихъ съ одной стороны съ кіевскими «лѣвыми націоналистами», и съ другой съ сосѣдями слѣва, съ такими кадетами, какъ В. А. Маклаковъ. Получается, слѣдовательно возможность объединить подъ лидерствомъ высоко талантливыхъ, порядочныхъ, всѣми уважаемыхъ дѣятелей обширную, около 70—80 человѣкъ, группу депутатовъ прогрессивную и національную. Такая группа, если бы она соорганизовалась въ Г. Думѣ, немедленно нашла бы себѣ живѣйшій откликъ въ странѣ. На мѣстахъ старыя умѣренныя партіи изжились, потеряли довѣріе и авторитетъ. Союзы національный и 17 октября, а также партія народной свободы давно разлагаются въ странѣ и мѣстами уже распылились на кружки и личности. Между тѣмъ, національная идея, рожденная въ тяжкихъ мукахъ въ японскую войну и смутное время, сдѣлала безспорные успѣхи съ той поры и нынѣ захватила русскую интеллигенцію и печать.

Прогрессивный націонализмъ, разумѣется не можетъ имѣть ничего общаго съ націонализмомъ реакціоннымъ и человѣконенавистническимъ; не примыкая ни вправо, ни влѣво, новый націонализмъ есть явленіе sui generis. Но до сихъ поръ онъ все еще не превратился въ систему и представлялъ собой лишь извѣстное политическое настроеніе, которое непрерывно усиливается и растетъ.

Обстоятельства русской исторической жизни, вызвавшія космополитическія теченія въ обществѣ, уже миновали. Молодое поколѣніе ихъ не видѣло, знаетъ о нихъ только по наслышкѣ. Наконецъ, какъ бы плохо дѣло ни шло съ нашимъ парламентомъ, все же широкіе слои публики, ранѣе вовсе чуждые политическому мышленію, мало по-малу, начиная съ 1906 года, привыкли читать въ газетахъ отчеты о думскихъ засѣданіяхъ и начали въ этихъ дѣлахъ свои сужденія имѣть. Политика успѣла проникнуть и въ такіе классы, какъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, почтово-телеграфныхъ и всякихъ другихъ провинціальныхъ, средней руки чиновниковъ. Эти массы населенія, совсѣмъ недавно начавшія жить политически, вовсе чужды тому трагическому духовному процессу русской интеллигенціи, который окончился отрицаніемъ родной государственности. Присмотритесь къ нимъ: безъ исключеній всѣ они настроены прогрессивно и національно.

Они не могутъ соорганизоваться по множеству причинъ, начиная отъ служебныхъ, кончая географическими. Но они пойдутъ за объявленною партійною программою, за тою думскою фракціею или группою фракцій, которая подниметъ, понятное имъ, политическое знамя.

Идея носится въ воздухѣ. Новое прогрессивно-національное теченіе должно имѣть громадный успѣхъ въ странѣ. Въ Государственной Думѣ оно представитъ собой нравственную силу, съ которой будутъ считаться и враги ея, и само правительство. Человѣколюбивый, справедливый, отъ всей прежней скверны отдѣлившійся, націонализмъ въ неразрывной связи съ идеею народнаго представительства на демократическихъ началахъ сдѣлается откровеніемъ искреннихъ и уравновѣшенныхъ русскихъ патріотовъ.

Иванъ Суховъ.

Русская Народная партія и инородцы.

Поводомъ къ настоящей статьѣ послужилъ одинъ фактъ, происшедшій въ стѣнахъ Таврическаго Дворца въ настоящую сессію Государственной Думы, почему, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію по существу затронутаго вопроса, я считаю необходимымъ изложить этотъ фактъ, давшій на нѣсколько дней пищу для разговоровъ и споровъ членамъ Думы.

12 февраля 1914 года за подписью 54 Членовъ Государственной Думы внесено было законодательное предположеніе «объ отмѣнѣ ограниченій въ правахъ на вступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ для лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія».

Основанія, послужившія къ внесенію этого законопроекта, какъ они изложены въ объяснительной запискѣ авторовъ, вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ:

«8-го ноября 1889 года издано было Высочайшее повелѣніе, ограничившее свободный до того доступъ въ сословіе присяжной и частной адвокатуры лицамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Мѣра эта, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи, направлена была главнымъ образомъ противъ лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія и вызвана была съ одной стороны несовершенствомъ надзора и паденіемъ нравственнаго уровня личнаго состава присяжной и частной адвокатуры, а съ другой—усиленнымъ въ то время наплывомъ въ среду повѣренныхъ еврейскаго элемента, ставшаго во многихъ судебныхъ округахъ внѣ

всякой соразмѣрности съ процентомъ еврейскаго населенія въ мѣстности по отношенію къ общему количеству повѣренныхъ и вносившаго, по мнѣнію министра юстиціи, въ дѣятельность сословія свойственныя еврейскимъ религіознымъ воззрѣніямъ вредныя начала. Ограничительный законъ, однако, не менѣе болѣзненно отразился и на другихъ народностяхъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія и, въ частности, мусульманскаго. Авторы законопроекта говорятъ, что законъ этотъ является для мусульманской народности не только ничѣмъ съ ихъ стороны не вызваннымъ, но и не согласованнымъ со всѣми другими законами, предоставляющими мусульманамъ широкій доступъ къ службѣ общественной и государственной, до военной включительно, гдѣ они достигаютъ до высшихъ ступеней іерархической лѣстницы. Авторы видятъ явный ущербъ для правосудія въ существованіи такого ограничительнаго закона, ибо въ многихъ мѣстностяхъ мусульманское населеніе не знакомо съ русскимъ языкомъ, лишено возможности выяснить истину передъ судомъ, защищать свои права и интересы безъ помощи юридически подготовленныхъ лицъ, знающихъ ихъ природный языкъ. А потому, «оставляя совершенно въ сторонѣ общій вопросъ объ еврейскомъ равноправіи и воздерживаясь въ настоящее время отъ предложенія Государственной Думѣ того или другого рѣшенія еврейскаго вопроса, подписавшіеся депутаты, не находятъ никакихъ основаній для указанныхъ ограниченій по отношенію къ лицамъ мусульманскаго вѣроисповѣданія и..... предлагаютъ Государственной Думѣ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 8 ноября 1889 года объ ограниченіяхъ въ правахъ на вступленіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ въ зависимости отъ вѣроисповѣданія—отмѣнить въ отношеніи лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія».

Какъ только содержаніе этого законопроекта дошло до свѣдѣнія предсѣдателя фракціи кадетовъ, немедленно же послѣднимъ предложено было на совѣщаніи

фракціи обсудить вопросъ о допустимости членамъ фракціи какимъ-либо образомъ принимать участіе въ проведеніи такого односторонняго законопроекта. Члены фракціи, давшіе свои подписи подъ законопроектомъ подверглись строгому осужденію въ неосмотрительности, къ законопроекту фракція отнеслась рѣзко отрицательно и вынесено было постановленіе, обязывавшее членовъ фракціи, подписавшихъ законопроектъ, безотлагательно подать заявленіе Предсѣдателю Государственной Думы о снятіи подписей. Между тѣмъ, казалось бы, для всѣхъ очевидно было, что авторы законопроекта стояли на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, внося такой законопроектъ, ибо руководились реальнымъ соотношеніемъ силъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и возможностью, при настоящей политической конъюнктурѣ и отношеніи правительства къ еврейскому вопросу, достичь хоть бы частичнаго улучшенія въ правовомъ положеніи инородцевъ мусульманскаго вѣроисповѣданія. Они не юдофобствовали, считаясь съ дѣйствительностью, а не находили полезнымъ для законодательной дѣятельности устраивать безплодную демонстрацію.

Можно-ли безусловно вынести оправдательный приговоръ подобнаго рода отношенію кадетъ къ указанному законопроекту?

Конституціонно-демократическая партія, переименовавшаяся въ «партію народной свободы», въ своей программѣ декларативно устанавливаетъ полное равноправіе всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи. Между тѣмъ парламентская ея фракція, какъ видно изъ вышеуказаннаго постановленія, вынуждаетъ сдѣлать выводъ, что это не совсѣмъ такъ, что одно дѣло—программа, декларація, а другое — тактика, и что изъ особыхъ какихъ-то соображеній можно и должно иной разъ пренебречь интересами даже той національности, представители которой входятъ въ составъ фракціи народной свободы. Конечно, и не посвященнымъ въ закулисныя тай-

ны руководителей этой фракціи вполнѣ очевидны тѣ причины, которыя вызвали указанное выше постановленіе. Законопроектъ идетъ навстрѣчу нуждамъ только одной народности—мусульманской, не обнимаетъ собой интересы другихъ народностей и главнымъ образомъ—еврейской.

Всѣ эти соображенія даютъ основанія признать кадетовъ тоже «націоналистами», но націоналистами въ особомъ родѣ—не русскими, обязанными служить интересамъ кореннаго русскаго племени, а «еврейскими» или «еврействующими». Интересы еврейскаго народа играютъ превалирующую роль въ заботахъ кадетовъ, занимаютъ, какъ видно это по крайней мѣрѣ по тактическимъ, очевиднымъ для всѣхъ, пріемамъ большинства фракціи, первенствующее мѣсто передъ интересами другихъ народностей.

Можетъ быть, генералы отъ к.-д. и послѣдовательны съ своей точки зрѣнія, направляя по такому пути свою фракцію, но со стороны въ такого рода тактикѣ чувствуется фальшь и неискренность. Нельзя допустить, чтобы такое отношеніе къ законопроекту доведено было ими до конца; можно смѣло утверждать, что при голосованіи въ общемъ собраніи Государственной Думы кадеты не посмѣютъ открыто демонстрировать свое отрицательное отношеніе къ законопроекту. Тогда для чего же понадобилось это насиліе надъ совѣстью своихъ сочленовъ, подписавшихъ законопроектъ? Вѣдь, нужно думать, что подписи подъ законопроектомъ были даны членами фракцій народной свободы вполнѣ сознательно, ибо эти члены люди зрѣлые, не легкомысленные юноши· въ числѣ ихъ мы видимъ подписи даже членовъ бюро фракціи.

Гдѣ же это пресловутое равноправіе народностей? Мы не видимъ его при такой тактикѣ кадетовъ. Чѣмъ инымъ, какъ не угнетеніемъ одной народности другою явилось это рѣшеніе фракціи?! Мусульманская народность не смѣетъ мечтать объ улучшеніи своего положенія, доколѣ евреи не пользуются тѣми же пра-

вами, какими авторы законопроекта намѣреваются надѣлить мусульманъ, путемъ проведенія его въ жизни. Никакой постепенности въ дѣлѣ снятія ограниченій для инородцевъ не допускается. Если идти послѣдовательно въ такомъ направленіи, если руководиться такой тактикой, можно дойти прямо до абсурдныхъ положеній—придется вывести такое заключеніе, что не только инородцы, но и коренной русскій народъ не можетъ расчитывать на отмѣну многихъ ненормальныхъ пережитковъ въ его правовомъ положеніи внѣ тѣхъ необходимыхъ, по мнѣнію кадетовъ, условій, при которыхъ еврейскій народъ можетъ одновременно получить удовлетвореніе своихъ законныхъ интересовъ. «Тонко прясть, да долго ждать» и какъ бы не обмануться русскимъ людямъ, довѣрившимъ защиту своихъ интересовъ кадетской партіи и ея думской фракціи въ частности. При такихъ условіяхъ всякій и благожелательно настроенной къ евреямъ человѣкъ можетъ невольно сдѣлаться юдофобомъ. Вѣдь, такого рода тактика руководителей к.-д. фракціи вовсе не ведетъ къ единенію и согласію, къ мирному сожительству и сотрудничеству. Эта тактика должна привести скорѣе къ озлобленію, къ ненависти. Руководители фракціи являются въ данномъ случаѣ по отношенію и къ самымъ евреямъ тѣмъ медвѣдемъ Крыловской басни, который, охраняя спокойствіе своего друга, размозжилъ ему камнемъ голову.

Постановленіе фракціи конституціонно-демократической партіи о снятія подписей съ законопроекта, внесеннаго группою мусульманъ, казаковъ и крестьянъ при участіи прогрессистовъ, невольно заставляетъ обратить вниманіе на то, какъ должна опредѣлять свое отношеніе къ инородцамъ будущая Народная партія, ставящая главной своей задачей—«поднять благосостояніе, нравственный и умственный уровень, правосознаніе и чувство національнаго достоинства въ широкихъ слояхъ коренного русскаго населенія», и возможно-ли инородцамъ быть членами этой партіи.

Могутъ-ли инородцы и иновѣрцы, входящіе въ составъ Россійскаго государства, быть увѣренными въ томъ, что ихъ законныя права и интересы будутъ охраняемы и защищаемы, а не попираемы еще въ большей мѣрѣ Народной партіей (естественными элементами которой является крестьянство, казачество, служилая, иначе говоря, трудовая интеллигенція и мелкіе горожане) и не вызоветъ-ли она нѣкоторую подозрительность и недовѣріе къ себѣ, оставаясь и прогрессивной, и демократической, и въ то же время національной? Вѣдь, въ слова націонализмъ, національный, націоналистъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе антидемократической дѣятельности Всероссійскаго союза русскихъ націоналистовъ, какъ въ Государственной Думѣ, такъ и внѣ ея, вкладываются представленія о реакціонности, черносотенствѣ. Названіе «націоналистъ» пріобрѣло почти равносильное значеніе названію «союзникъ», связанному съ воспоминаніемъ о погромахъ, хулиганствѣ и другихъ отталкивающихъ явленіяхъ въ дѣятельности черносотенныхъ организацій.

Народная партія должна очистить эти наименованія, снять съ понятія о націонализмѣ представленія о реакціонности, поднять его высокое значеніе въ демократически настроенныхъ прогрессивныхъ слояхъ русскаго общества; дѣятельность ея должна быть направлена такимъ образомъ, чтобы названіе національной народной партіи не служило пугаломъ ни для кого: ни для коренного русскаго человѣка, ни для инородца, ни для иновѣрца. Присвоеніе русской народности, именованія господствующей, державной не должно вызывать у другихъ россійскихъ народностей представленіе объ угнетеніи, безправіи ихъ.

Каждый членъ будущей народной партіи долженъ твердо усвоить, что «національность—одна изъ высшихъ ступеней общественности, это исторически выработанная общностью духовной жизни отдѣльная соціальная группа, этнически состоящая или могущая состоять изъ различныхъ элементовъ, но духовно пред-

ставляющая единое своеобразное цѣлое. Значеніе національности для государства и государства для національности является несомнѣннымъ. Чѣмъ выше степень національнаго самосознанія даннаго народа, чѣмъ богаче его цивилизація и культура, тѣмъ явственнѣе выступаетъ его государственная сила, развивающаяся на счетъ національнаго не только матеріальнаго, но, главнымъ образомъ, духовнаго богатства.

«Наоборотъ борьба національныхъ стремленій внутри государства, упадокъ національнаго самосознанія влекутъ за собой ослабленіе государственнаго единства, внутреннія передряги и пониженіе государственнаго значенія данной державы» (Проф. В. М. Грибовскій).

Обращаясь за разрѣшеніемъ поставленнаго нами выше вопроса объ отношеніи къ инородцамъ Народной партіи къ программѣ народныхъ націоналистовъ, помѣщенной въ сборникѣ «Ладо» (2-я изд. стр. 150—185) и къ статьямъ разныхъ авторовъ, помѣщенныхъ въ политическомъ еженедѣльникѣ «Дымъ Отечества» (№№ 49, 51—за 1913 г. и 1, 2, 3, 4, 6 и 7 за 1914 г.), мы видимъ, что среди сторонниковъ, такъ называемой, націоналъ-демократіи приблизительно выясненъ поставленный нами вопросъ.

Въ «проектѣ платформы, объединяющей московскихъ народныхъ націоналистовъ», по главнымъ вопросамъ — польскому, еврейскому и финляндскому — говорится слѣдующее:

„Россія—государство національно-русское, единое и недѣлимое. Господствующая культура—русская и государственный языкъ—русскій. Населяющія Россію не-русскія національности имѣютъ возможность развивать свою мѣстную культуру. Обученіе русскому языку обязательно во всѣхъ инородческихъ школахъ со 2-го или 3-го года обученія.

Введеніе мѣстнаго областнаго самоуправленія въ Польшѣ въ этнографическихъ границахъ польскаго народа.

Русскій языкъ обязателенъ въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ польскихъ, наряду съ польскимъ и преподается въ польскихъ школахъ, начиная съ 3-го года обученія.

Въ видахъ государственныхъ необходимо снятіе черты еврейской осѣдлости.

Экономическая борьба коренного русскаго населенія съ инородцами возможна лишь посредствомъ созданія національныхъ экономическихъ организацій, артелей, кооперативовъ, союзовъ и пр.

Русскіе проживающіе въ Финляндіи, пользуются дѣйствительнымъ равноправіемъ съ финляндскими уроженцами.

Государственные интересы требуютъ: уничтоженіе финляндской таможни и пересеніе ея на шведскую границу, введеніе въ Финляндіи русской монеты, соединеніе финляндскихъ дорогъ съ имперскими, введеніе обязательнаго русскаго языка въ официальныхъ учрежденіяхъ Финляндіи на ряду съ финскимъ языкомъ и преподаваніе его въ финскихъ школахъ съ 3-го года обученія.

Привлеченіе финляндцевъ къ отбыванію воинской повинности, наравнѣ съ русскими, участіе Финляндіи въ общихъ по Имперіи расходахъ.

Избраніе депутатовъ отъ финляндскаго населенія въ Государственную Думу посредствомъ раздѣленія страны на избирательные округа. Избраніе депутатовъ въ Государственный Совѣтъ отъ финляндскаго сейма" (сборникъ „Ладо").

Такъ опредѣляются понятія націонализма, національной и государственной задачъ,—назовемъ ихъ, «новыми народническими группами».

«Для насъ націонализмъ не значитъ ненавидѣть, притѣснять другого, не давать ему жить; для насъ націонализмъ обозначаетъ любить свой народъ выше всего, жертвовать всѣмъ для его силы и величія, защищать каждую часть дѣдовской земли и каждаго члена нашей національной семьи». (Д-ръ Крамаржъ).

Будущая народная партія безусловно положитъ въ основу своихъ отношеній къ инородцамъ имперіализмъ, то широкое толкованіе націонализма, которое признаетъ всѣ народности частями единаго организма — государства, и, преслѣдуя свои главныя задачи, станетъ направлять свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы народности, входящія въ составъ Россійской Имперіи, чувствовали себя не пасынками, а истинными сынами общей для всѣхъ родины, и находили въ этой партіи настоящую защиту своихъ интересовъ, а это вполнѣ возможно, ибо «любовь къ свему коренному нисколько не исключаетъ благожелательнаго и середчнаго отношенія не только къ родственному, но и ко

всему, спаянному дружбой, общностью интересовъ и лойяльнымъ отношеніемъ къ государственнымъ задачамъ въ широкомъ смыслѣ этого слова».

„Хотя преимущественнымъ объектомъ заботъ государственной власти долженъ быть народъ русскій, однако, будучи національно-русскимъ, государство можетъ и должно стремиться быть воплощеніемъ высшей справедливости. Оно охраняетъ личную сободу гражданъ, не взирая на національность, и ставитъ предѣлъ ихъ дѣятельности только тамъ, гдѣ нарушаются чьи-либо справедливые интересы. За населяющими инородческими племенами съ развитымъ національнымъ самосознаніемъ оно признаетъ право на самоопредѣленіе и развитіе самобытной культуры, но пока это явно не противорѣчитъ интересамъ державной націи въ цѣломъ". („Дымъ Отеч." № 2. Программа петербургскихъ національ-демократовъ).

При такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста недовѣрію къ Народной партіи, и каждый демократически и прогрессивно настроенный членъ, какой бы то ни было народности, признающій свою неразрывную связь съ русскимъ государствомъ и вѣрящій въ великія культурно-національныя силы русскаго народа, можетъ смѣло входить въ составъ членовъ Народной партіи и принимать одинаковое со всѣми коренными русскими участіе въ государственномъ строительствѣ на благо всего народа и своей народности, въ частности.

И вотъ, руководствуясь только этимъ, только истиннымъ пониманіемъ задачъ національно-демократическаго государства, тѣ, пока еще немногіе, члены будущей Народной партіи, зародышъ которой уже намѣчается въ Государственной Думѣ, не сняли своихъ подписей подъ законопроектомъ, идущимъ навстрѣчу къ удовлетворенію нуждъ мусульманской народности, считая невозможнымъ слѣдовать тактикѣ фракціи к.-д., не желающей проводить въ жизни законопроектъ частичнаго характера, не затрагивающій вопросъ о равноправіи съ принципіальной стороны, какъ это начертано въ программѣ конституціонно-демократической партіи.

Правильность такой позиціи была на дняхъ только что засвидѣтельствована поднесеніемъ муллами

чеченскаго народа Терской области Корана и адреса казачьему депутату М. А. Караулову за его защиту инородческихъ интересовъ. Въ какихъ теплыхъ выраженіяхъ высказываютъ чеченцы свою искреннюю благодарность сыну той народности, съ которой они до послѣдняго времени вели непрерывную борьбу съ орудіемъ въ рукахъ, и съ какимъ довѣріемъ относятся къ потомку, забывшему вражду съ ними, призывая благословеніе Божіе на него и на другихъ, подписывающихъ съ нимъ законы на пользу народную.

Членъ Государственной Думы *А. П. Савваитьевъ.*

Основы русской государственности.

27 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ состоялось въ своемъ родѣ «историческое» засѣданіе. Послѣ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцева, защищавшаго правительственный законопроектъ о городовомъ положеніи въ Привислинскихъ губерніяхъ, въ редакціи Государственной Думы, и возраженій на нее, большинствомъ 20 голосовъ былъ отклоненъ пунктъ, допускавшій во вводимыхъ законопроектомъ городскихъ самоуправленіяхъ дѣлопроизводства на польскомъ языкѣ *). Вновь повторились дни «конфликта» между Совѣтомъ и Кабинетомъ, правительство опять, какъ и въ вопросѣ о введеніи куріальнаго земства въ девяти западныхъ губерніяхъ, понесло пораженіе и «покладистый» оптимистъ В. Н. Коковцевъ, съ такимъ чувствомъ воскликнувшій «слава Богу, у насъ нѣтъ парламента», на собственномъ опытѣ убѣдился въ наличности если не такового (не будетъ настаивать на точности терминовъ), то близкаго къ нему учрежденія, испивши изъ той же горькой чаши неодобренія законодателей, какъ и прямолинейный въ своемъ упорствѣ П. А. Столыпинъ.

Это событіе вызвало въ политическихъ кругахъ большое волненіе, не прекращающееся и посейчасъ. Предвидѣнное и понятное раздраженіе противъ «національзма» Государственнаго Совѣта со стороны всѣхъ сторонниковъ разныхъ территоріальныхъ и даже экстерриторіальныхъ автономій, желающихъ сознательно

*) 12 мая, во время печатанія этой статьи новымъ голосованіемъ Г. Совѣтъ вторично отклонилъ этотъ пунктъ, несмотря на то, что въ защиту его высказывался отъ имени правительства, предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ, человѣкъ правыхъ убѣжденій. Это подтверждаетъ, что вопросъ о языкѣ въ городскихъ самоуправленіяхъ на окраинахъ—вопросъ не мѣстный, а государственный.

низвести имперскую государственность на служебную роль для населяющихъ страну національныхъ группъ, рикошетомъ перескочило и въ ряды мятущихся октябристовъ и части націоналистовъ.

По этому вопросу лишній разъ можно убѣдиться, какую непослѣдовательность обнаруживаютъ наши октябристы и націоналисты едва передъ ними встанетъ необходимость твердо проявить свое отношеніе къ государственнымъ задачамъ, въ проведеніи которыхъ замѣтно колебаніе у кабинета министровъ. Тогда они всѣ становятся горячими приверженцами пословицы: «прежде батьки въ петлю не суйся» и топятъ государственныя соображенія въ пучинѣ туманныхъ разглагольствованій. И какую зато выгодную позицію отдали они Совѣту въ качествѣ рѣшительнаго проводника идей государственности. Будучи во многомъ,—напримѣръ, въ вопросахъ о волостномъ земствѣ, вѣроисповѣдныхъ и друг.,—дѣйствительно, ничѣмъ не оправдываемой помѣхой проведенію прогрессивныхъ назрѣвшихъ реформъ, Г. Совѣтъ въ данномъ случаѣ,—въ вопросѣ о польскомъ языкѣ,—выдержалъ государственную роль, и вовсе не «націоналистическую», какъ стараются ему приписать (какой же Витте—«націоналистъ» въ узкомъ смыслѣ слова?)..

Всѣ доводы, какіе возможно представить въ защиту узаконенія польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ учрежденій, носящихъ не только общественный, но и государственный характеръ, были исчерпывающее приведены предсѣдателемъ совѣта министровъ и, тѣмъ не менѣе, они были легко разбиты отвѣтными рѣчами В. І. Гурко и гр. Витте. Да и самъ глава объединеннаго правительства, по всей видимости чувствовалъ слабость своей аргументаціи и въ первую же голову сослался на авторитетъ лицъ, работавшихъ надъ составленіемъ обсуждаемаго закона, главное авторство котораго принадлежитъ покойному П. А. Столыпину. Но какъ разъ большая ошибка, дѣлаемая такъ называемыми «столыпинцами», къ каковымъ причислилъ себя и В. Н. Ко-

ковцевъ, въ разговорѣ съ депутатомъ, заключается въ томъ, что они цѣликомъ принимаютъ все, къ чему ни прикоснулась рука Столыпина, не желая разбираться въ причинахъ того или иного шага сильнаго человѣка, не лишеннаго, однако, свойственныхъ всѣмъ людямъ, ошибокъ и слабости.

Въ частности, право польскаго языка вовсе не вытекало изъ міровоззрѣнія Столыпина, а явилось лишь уступкой со стороны, затравленнаго кругомъ, государственнаго дѣятеля, искавшаго поддержки въ разныхъ общественныхъ слояхъ. Польскій языкъ въ городскихъ самоуправленіяхъ Привислинскихъ губерній признавался компенсаціей полякамъ за выдѣленіе Холмской губерніи, т. е. явился абсурднымъ отраженіемъ растерявшейся государственной мысли, безсознательно допустившей сомнѣнія въ своемъ правѣ и справедливости отторженія отъ Польши чисто русской губерніи признаніемъ необходимости оплатить этотъ шагъ уступкой, умаляющей достоинство государства.

Преемникъ Столыпина В. Н. Коковцовъ хорошо понималъ значеніе этой уступки; онъ самъ заявилъ, что она носитъ временный (!!!) характеръ. «Пройдетъ лѣтъ 12 и можно будетъ сдѣлать то, что сдѣлали въ Прибалтійскомъ краѣ», то-есть перейти къ русскому языку,—говорилъ онъ. На эти слова членъ Гос. Совѣта В. І. Гурко, не сдержавшись, возразилъ дѣйствительно «непарламентскимъ» выраженіемъ, назвавъ такой образъ дѣйствій «провокаціей», съ чѣмъ нельзя, однако, не согласиться.

Если сейчасъ поляки плохо знаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ знать русскій языкъ, то узаконеніе польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ городскихъ, а значитъ – надо быть послѣдовательнымъ—и въ проектируемыхъ земскихъ самоуправленіяхъ поведетъ къ тому, что населеніе и вовсе не пожелаетъ изучать государственный языкъ и изгонитъ окончательно его изъ употребленія. Вводить же насильственнымъ путемъ черезъ 12 лѣтъ государствен-

ный языкъ будетъ сопряжено съ большими неудобствами.

Кому неизвѣстна непримиримость поляковъ въ отношеніи своего языка, на укрѣпленіи котораго они сами строятъ свои сепаратистическія стремленія, свой идеалъ: «Польши отъ моря до моря». Съ какою настойчивостью и жестокимъ упорствомъ давятъ они въ Галиціи русскій языкъ, а у насъ—литовскій, не допуская въ костелахъ богослуженія на родномъ для литовцевъ нарѣчіи, ибо въ этомъ они справедливо видятъ стремленіе послѣднихъ располячиться! И сейчасъ уже въ предѣлахъ этнографической Польши старательно избѣгаютъ русскаго языка; въ своихъ сношеніяхъ съ русскими поляки нерѣдко прибѣгаютъ къ французскаму языку или къ эсперанто, какъ, напримѣръ, дѣлаютъ это польскіе кооперативы въ перепискѣ съ Московскимъ союзомъ потребительныхъ обществъ. Что же будетъ при осуществленіи закона въ его первой редакціи? Не приведетъ ли онъ къ полнѣйшему исчезновенію государственнаго языка съ нашей западной окраины?

Бывшій премьеръ-министръ основывалъ свою защиту исключенія для польскаго языка, между прочимъ, на томъ, что «во всей Русской Имперіи нѣтъ другой мѣстности, въ которой городское населеніе по своему племенному составу и языку представляло бы ту сплоченность, какую мы видимъ въ городахъ Привислинскихъ губерній». А какъ же быть тогда съ городами: Ригой, Ревелемъ, губерніями Закавказья, Закаспіемъ и проч., гдѣ латыши, эсты, мусульманское, армянское или грузинское населеніе имѣютъ безспорное преобладаніе надъ русскими, или они не въ счетъ? Плотность польскаго населенія выражается всего въ 42—48%, немного превышая плотность еврейскаго—40—42%, затѣмъ идутъ нѣмцы и русскіе. Соотношеніе національныхъ группъ въ центрѣ Польши, въ Варшавѣ, было убійственно для поляковъ показано выборами еврейскими голосами соціалиста Ягелло, во-

преки желанію большинства польскихъ партій. Если стать на точку зрѣнія равенства національностей, то нельзя игнорировать такія группы, какъ еврейская и нѣмецкая и не предоставить ихъ языку одинаковыхъ съ польскимъ правъ, но тогда получится «столпотвореніе вавилонское», а не практическая, нужная и полезная для Государства реформа. Установить для этихъ группъ обязательный польскій языкъ—значитъ сознательно отказаться отъ доброй половины населенія, являющейся естественнымъ проводникомъ въ краѣ общегосударственнаго языка и идей.

Можно представить, что повлекъ бы за собою провозглашаемый принципъ «сплоченности окраиннаго населенія» на другихъ окраинахъ. Вотъ, что творится напримѣръ, въ Закавказьѣ среди мѣстныхъ разноплеменныхъ группъ.

«Нужно, — пишетъ г. Бездомный въ мартовской книжкѣ журнала «Завѣты»,—самому побывать въ Закавказьѣ, самому прислушаться къ дышащимъ нетерпимостью и злобой рѣчамъ представителей грузинскаго, армянскаго или татарскаго національнизма, нужно увидать, какъ причудливо и неожиданно преломляются сквозь призму этого національнизма даже простые, несложные вопросы, какъ національнистическія волны встаютъ отъ каждаго легкаго дуновенія вѣтерка, чтобы получить хотя приблизительное представленіе о томъ, что дѣлается сейчасъ въ Закавказьѣ».

И если при такихъ условіяхъ не прекращается и не разрушается общественная работа и работа самоуправленій на Кавказѣ, то положительную роль въ этомъ имѣетъ примиряющій общій государственный языкъ.

Русская окраинная политика въ теченіе минувшаго вѣка носила, да и теперь еще носитъ всѣ слѣды неуравновѣшенности, вызываемой колебаніями внутренняго курса, въ зависимости отъ событій и, главнымъ образомъ, отъ лицъ, стоящихъ у кормила власти. Все время происходитъ лавированіе между внутреннимъ

общественнымъ недовольствомъ и окраинными требованіями, удовлетвореніе которыхъ всегда ставилось въ зависимость отъ соображеній момента, а не государственной необходимости и выражалось въ «уступкѣ тамъ—нажимѣ здѣсь» и обратно. Отсюда и противорѣчіе въ дѣйствіяхъ по отношенію къ окраинамъ, культивированіе въ краѣ, населенномъ эстами и латышами, легко воспринимающими государственный языкъ, чуждаго и враждебнаго имъ нѣмецкаго языка,— ошибка, которую сейчасъ пытаются выдвигать въ качествѣ прецедента, несбыточныя обѣщанія инородцамъ и робость въ отстаиваніи державныхъ правъ. Эта политика приспособленія къ обстоятельствамъ безъ всякой цѣльности и связи продолжается до послѣдняго дня. Въ то время, когда Государственная Дума начала, наконецъ, объединять Финляндію съ Имперіей и предполагается ввести тамъ государственный языкъ, русскій судъ, въ двухъ инстанціяхъ разбирая отказъ выборныхъ крестьянъ-латышей произвести ревизію волостной кассы, книги которой велись на русскомъ языкѣ, утвердилъ право мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ вести дѣлопроизводство, а значитъ и переписку на латышскомъ нарѣчіи». Вотъ результаты отсутствія основной руководящей идеи въ имперской политикѣ.

Но должно ли продолжаться такъ и дальше, съ яснымъ ущербомъ для обще-государственный идеи? Не пора ли государству перейти къ опредѣленной и ясной программѣ, твердо проводя ее какъ внутри, такъ и на окраинахъ? Если преобразованіе русской жизни на конституціонныхъ началахъ не должно тормозиться и носить двусмысленный, попятный характеръ, то и въ отношеніи къ инороднымъ частямъ великаго царства пусть будетъ опредѣленность, которая не можетъ быть иной, какъ обезпечивающей окраинамъ свободное культурное и экономическое развитіе, при непремѣнномъ условіи спаянности ихъ съ Имперіей. Спаянность же даютъ

не одинаковый покрой полицейскихъ мундировъ, не однотонность краски на географическихъ картахъ, а общіе законы, однородность государственныхъ учрежденій и одинъ государственный языкъ при существующемъ многообразіи мѣстныхъ. Значеніе языка въ дѣлѣ укрѣпленія государственности громадно, оно больше, чѣмъ значеніе одинаковости религіи. Англія привязала къ себѣ колоніи не только числомъ своихъ броненосцевъ, но и общимъ языкомъ. Государственнымъ языкомъ укрѣпляется и германскій союзъ. Даже въ свободной Франціи, изъ государственныхъ соображеній, не находятъ разрѣшенія попытки поставить въ одинаковое положеніе съ французскимъ государственнымъ языкомъ провансальскій и бретонскій языки.

Противники обязательнаго русскаго языка въ Польшѣ высказываютъ боязнь полной руссификаціи, разрушенія своеобразной и цѣнной польской культуры. Въ этомъ духѣ заявилъ даже и Меньшиковъ. Сравниваютъ положеніе поляковъ въ Познани. Но стоитъ ли возражать на эту очевидную нелѣпость? Россія не можетъ итти по стопамъ нѣмцевъ уже по одному тому, что тамъ германизмъ встрѣтилъ враждебную ему славянскую культуру, которую и давитъ, у насъ же имѣется въ виду лишь прочнѣе привязать родственный намъ народъ. Поэтому польская культура должна быть свободна въ своихъ проявленіяхъ, гоненіе на польскій языкъ въ мѣстномъ обиходѣ, не должно имѣть мѣста вовсе. Никакихъ посягательствъ на національную самостоятельность польскаго народа Россія не собирается дѣлать, но она желаетъ обезпечить свои права. Да и сами поляки въ лицѣ своей демократіи—крестьянъ не боятся потерять свое лицо, даже идя въ русскую школу. Польскій крестьянинъ,—по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—подходитъ съ практической стороны къ вопросу: онъ возьметъ изъ русской школы то, что ему надо. Въ этомъ отношеніи характеренъ отвѣтъ одного

крестьянина видному общественному дѣятелю, говорившему противъ школьной сѣти.

— Вы,—сказалъ послѣдній крестьянину,—не будете хорошимъ польскимъ гражданиномъ, если пошлете своего сына въ русскую школу.

— Я буду тѣмъ, чѣмъ былъ вашъ отецъ, который посылалъ васъ въ русскую гимназію, когда не было польской,—отвѣтилъ крестьянинъ.

Онъ увѣренъ, что его сына не обрусятъ: такъ думаетъ и большинство тѣхъ крестьянъ, которые на сходахъ голосовали за школьную сѣть. Всѣ сторонники сближенія съ Польшей не даютъ себѣ отчета въ томъ, какъ можетъ пройти это сближеніе?—оно будетъ естественно лишь на почвѣ общаго государственнаго языка, безъ котораго всѣ благія начинанія и реформы въ краѣ поведутъ къ еще большему отдаленію и обособленію. Можетъ быть послѣднее и входитъ въ расчеты нашихъ «автономистовъ», но оно составляетъ безусловный вредъ для цѣльности государства.

Какъ хочется публицистамъ «Рѣчи» и другихъ газетъ, пугающимъ Россію озлобленіемъ поляковъ, желающихъ автономіи, привести слова поляка В. Д. Спасовича, сказавшаго слѣдующее: «Я—противникъ самаго термина «автономія», которымъ пользуются вкривь и вкось мои земляки, воздерживаясь отъ точнаго его опредѣленія. Никто не можетъ глядѣть одновременно впередъ или назадъ. Теперь намъ слѣдуетъ примыкать, а не отщепляться и стать твердою ногою въ обще-россійскомъ парламентѣ».

Русскимъ политическимъ дѣятелямъ, русскимъ партіямъ, считающимъ своей обязанностью вести отвѣтственную государственную политику, необходимо помнить, что передъ Россіей стоитъ задача не борьбы съ инородцами, какъ это думаютъ правые и близкая имъ часть «націоналистовъ», но и не денаціонализація своихъ окраинъ. Россія не можетъ быть чисто великорусскимъ государствомъ, хотя велико-

руссы и составляютъ подавляющее большинство и служатъ основой его крѣпости, уже потому, что рамки нашего государства раздвигаются все шире и шире. Россія не можетъ быть также и государствомъ національностей, лоскутной монархіей, подобной Австріи, потому что ея центростремительныя силы велики и значительны, потому что на ея инородческихъ окраинахъ слишкомъ много пролито русской крови, которую нельзя затоптать безслѣдно. Россія есть и будетъ національное государство—«Россійская Имперія», подъ орломъ которой найдутъ себѣ мѣсто и право всѣ входящія въ ея составъ народности и группы. Въ направленіи къ государственному единству при культурномъ многообразіи лежитъ нашъ державный путь; всякое отступленіе отъ него въ ту или другую сторону будетъ подрывомъ корней государственности.

Н. Е. Вѣровъ.

Историческіе устои Россіи.

27 апрѣля настоящаго года исполняется ровно восемь лѣтъ со дня открытія первой Государственной Думы. Срокъ вполнѣ достаточный, чтобы примириться съ историческимъ фактомъ и оставить всякія мечтанія о поворотѣ историческаго колеса въ обратную сторону. Между тѣмъ, еще до сихъ поръ не прекращаются попытки упразднить это, якобы чуждое позаимствованіе отъ «гнилого запада», искусственно привитое къ самобытному дереву русской исторической государственности.

Увѣренія правыхъ революціонеровъ о несовмѣстимости конституціи съ историческими устоями русскаго государства, съ упорной настойчивостью, усиленно пропагандируются со страницъ рептильной печати.

Но исторія намъ говоритъ довольно опредѣленно, что въ русской государственно-исторической жизни, очень большую роль игралъ издревле принципъ «народовластія».

Сознаніе необходимости участія «земли» въ управленіи государствомъ у насъ никогда не умирало, потому что самая идея представительства глубоко коренилась въ условіяхъ русскаго политическаго быта. Традиція поддерживала это сознаніе, а отдѣльныя лица напоминали о немъ.

Въ древнѣйшее время народъ русскій участвуетъ въ управленіи племеннымъ государствомъ непосредственно, лично, въ составѣ всего взрослаго мужского

населенія. «Новгородца то изначала, и Смоляне и Кіевляне и Полочане, и вся власти (области) яко же на думу на вѣча сходятся» говоритъ лѣтописецъ. Дума или вѣче, издаетъ законы, судитъ, назначаетъ должностныхъ лицъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ. Вѣче же выбираетъ князя и заключаетъ съ нимъ договоръ, какъ ему править.

И если князь нарушалъ «конституцію», нарушалъ договоръ, вѣче «показывало путь», по старинному выраженію.

Въ громадномъ Московскомъ государствѣ жизнь усложнилась, усложнился и самый механизмъ управленія, но новыя условія жизни выработали и новую форму участія народа въ управленіи. Въ управленіи участвуетъ уже не весь народъ, а избранные имъ представители. Московское государство наплодило несмѣтныя полчища бюрократовъ, заслонившихъ царя отъ «земли», но народъ не мирился съ этимъ и выражалъ свои требованія, иногда въ очень настойчивой формѣ.

Неизвѣстный авторъ произведеній XVI вѣка подъ названіемъ. «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» настойчиво совѣтуетъ царю имѣть при себѣ постоянный земскій соборъ, время отъ времени обновляя его составъ. Извѣстный князь Курбскій, въ своемъ знаменитомъ письмѣ Ивану Грозному писалъ; «аще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ».

Подъ «всенародными человѣками» князь Курбскій имѣлъ въ виду, именно, земскій соборъ.

Практическая необходимость доказала справедливость этихъ требованій и обращеніе Московскихъ царей къ «землѣ», привлеченіе народа къ участію въ управленіи страной, указывалось самимъ положеніемъ вещей.

Тотъ, кто довелъ власть до высшей степени ея

могущества, т.-е. Иванъ Грозный, первый обратился къ содѣйствію «земли».

Въ областяхъ было введено мѣстное самоуправленіе, а въ центрѣ начали созываться земскіе соборы.

Правда, мѣстное самоуправленіе, мірское, для хозяйственныхъ цѣлей, было и раньше.

Міры въ городахъ и селахъ выбирали старостъ, сотскихъ и дворскихъ. Но тѣ же міры при Грозномъ стали уже выбирать «лучшихъ людей» для присутствованія на судахъ намѣстниковъ и волостелей и, такимъ образомъ, получили право контроля надъ бюрократіей.

При помощи мѣстнаго самоуправленія Московское правительство разрѣшало повседневныя текущія нужды.

При помощи земскихъ соборовъ оно разрѣшало государственныя чрезвычайныя дѣла. Въ 1550 году былъ созванъ первый земскій соборъ, сильно пришедшійся не по вкусу бюрократамъ и предкамъ нынѣшнихъ черныхъ «зубровъ». Въ 1566 году Грозный вторично созываетъ земскій соборъ для важнаго совѣщанія съ «землей», относительно Польско-Ливонской войны. Земскій же соборъ въ 1598 году собирается для избранія новаго государя послѣ смерти послѣдняго представителя династіи Рюриковичей царя Федора Ивановича.

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи земскихъ соборовъ, былъ «золотой вѣкъ» по выраженію проф. Загоскина. Никогда раньше и никогда позже соборы не созывались въ такомъ количествѣ, въ такомъ полномъ составѣ, какъ именно въ XVII вѣкѣ, въ которомъ земскій соборъ сложился вполнѣ, какъ представительное учрежденіе. Соборы XVII вѣка созывались по волѣ государя, а въ исключительныхъ случаяхъ патріархомъ или боярской думой. Соборы созывались особой «государевой грамотой», для оповѣщенія населенія разсылались особыя «призывныя грамоты» по всѣмъ городамъ, на имя воеводъ или губныхъ старостъ, коимъ предписывалось, чтобы они выбрали изо всякихъ

чиновъ, изъ лучшихъ, и изъ среднихъ и изъ молодчихъ (цензъ) добрыхъ и умныхъ людей, съ коимъ о дѣлѣ говорити, а кого выберутъ и тѣмъ людямъ принести имена (т.-е. списки) и прислали къ указанному сроку, чтобъ нашему и великому дѣлу мотчанья (задержки) не было».

По смыслу названія «земскій», земскіе соборы должны были быть собраніемъ представителей «всей земли».

Такъ понимали земскіе соборы и населеніе и сами государи. Избирательный соборъ 1613 года прямо названъ «соборомъ всякихъ людей, всякихъ чиновъ всего великаго Россійскаго царства». О всякихъ соборахъ говорится, какъ о соборахъ «всея русскія земли», а совѣщаніе царя на соборѣ называется совѣщаніемъ «со всѣмъ народомъ всея земли Россійскаго Государства».

Самые выборы должны были происходить свободно «промежъ себя» и правительство строго надзирало, чтобы со стороны воеводъ не производилось давленія. Извѣстенъ случай, когда одинъ «разъяснявшій воевода получилъ строгій выговоръ за нарушеніе свободы выборовъ, «былъ осужденъ гораздо».

Представители получали отъ своихъ избирателей наказы и наставленія устныя и письменныя, въ которыхъ указывалось, какія нужды и интересы надо было защищать.

Что населеніе не безразлично относилось къ дѣятельности своихъ депутатовъ, свидѣтельствуетъ что представитель Курска просилъ дать ему «охранную грамоту», боясь мести курянъ.

Соборы носили характеръ совѣщательныхъ, но по существу имѣли значеніе рѣшающее. Мнѣнія депутатовъ, представлялись государю, который, въ совѣтѣ съ Боярской думой клалъ рѣшеніе, и затѣмъ, подписанное членами собора оно получало силу закона.

Во время засѣданій земскихъ соборовъ населеніе

подавало государю и депутатамъ челобитья, которыми заявлялось о нуждахъ и которыя воздѣйствовали на тѣ или иныя рѣшенія собора.

Насколько челобитья вліяли на ходъ законодательства, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ нашли себѣ прямой отвѣтъ въ судебникахъ и «уложенныхъ книгахъ». Вообще челобитья были въ большомъ ходу у населенія и это было распространенное явленіе своего времени. Населеніе широко пользовалось своимъ правомъ «бить челомъ государю», «докучать» ему о своихъ нуждахъ и шло къ нему, минуя «царскихъ слугъ».

Значеніе и важность земскаго собора подчеркнулъ царь Василій Шуйскій, который послѣ своего избранія пошелъ въ Успенскій соборъ и тамъ передъ народомъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы ему «безъ земскаго собора ни единому человѣку худа не чинити».

Во время лихолѣтія земскіе соборы вынесли государство, на своихъ плечахъ и спасли его отъ гибели. Въ «безгосударное время» земскій соборъ правитъ страной и его именемъ дѣлаются разныя распоряженія. Въ первые годы царствованія Михаила Федоровича земскій соборъ дѣятельно помогаетъ своему избраннику въ устроеніи земли и всѣ распоряженія идутъ отъ государя и земскаго собора вмѣстѣ.

Государь ничего не дѣлаетъ безъ совѣта съ соборомъ.

Соборъ не является только послушнымъ орудіемъ правительства, наоборотъ онъ нерѣдко проявляетъ оппозицію, особенно въ тѣхъ вопросахъ, когда мнѣніе собора обходилось или иниціатива исходила не отъ него. Такъ было на соборахъ 1633—34 г. 1636—37 и 1642 г.г.

Съ теченіемъ времени, когда смуты затихли и усилилась центральная власть, соборы прекратили свое существованіе; ихъ сгубила численно увеличившаяся бюрократія.

Но въ сознаніи населенія крѣпко укоренилась идея представительства. Когда въ 1622 г. правительство запросило обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ купечество, о причинѣ паденія курса мѣдныхъ денегъ, торговое сословіе, не отвѣчая на вопросъ, говоритъ, что... «то дѣло всего великаго государства».

Болѣе опредѣленно высказалось купечество въ другомъ случаѣ, когда его запросили о мѣрахъ противъ дороговизны: «то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ».

Изъ этого бѣглаго экскурса въ прошлое, къ краямъ исторіи, мы видимъ что идея народнаго преставительства отнюдь не носитъ на себѣ заграничнаго клейма, она не поношенное платье съ чужого плеча, а наоборотъ коренится въ самихъ основахъ государственныхъ и освящена авторитетомъ традиціи.

Н. Г. Козыревъ.

Національный идеалъ и его противники.

„... Поставь надъ собой царя, котораго изберетъ Господь Богъ твой; изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя; не можешь поставить надъ собою царемъ иноземца, который не братъ тебѣ.

„Только, чтобъ онъ не умножалъ себѣ коней и не возвращалъ народа въ Египетъ для умноженія себѣ коней, ибо Господь сказалъ намъ: „не возвращайтесь болѣе путемъ симъ"; и чтобы серебра и золота не умножалъ себѣ чрезмѣрно.

„Но когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ закона сего...

„И пусть онъ будетъ у него и онъ читаетъ его во всѣ дни его жизни своей, дабы научался бояться Господа Бога своего и старался исполнить всѣ слова закона сего и постановленія сіи;

„Чтобы не надмевалось сердце его предъ братьями его, и чтобы не уклонялся онъ отъ закона ни направо, ни налѣво, дабы долгіе дни пребылъ на царствѣ своемъ онъ и сыновья его посреди Израиля.

(Второзаконіе, гл. 17, ст. 15—20)

Среди современной политической неразберихи, въ хаосѣ разнообразныхъ гражданскихъ переживаній и настроеній, при безконечномъ шатаніи умовъ,—все же есть у насъ нѣчто одно великое, что, подобно маяку во тьмѣ ночной, свѣтитъ и указываетъ путь духовнымъ очамъ русскихъ людей. Это—нашъ исконный, старинный, основной государственный идеалъ—демократическое царство!

Изъ всего сложнаго многообразія нашихъ политическихъ формулъ, убѣжденій, симпатій можно вынести сейчасъ за скобки именно одинъ этотъ вѣковой идеалъ, какъ пожеланіе, общее всѣмъ уравновѣшеннымъ и безкорыстнымъ патріотамъ земли русской.

Уже триста лѣтъ тому назадъ наши предки сжились, органически срослись съ демократическимъ царствомъ. Нашъ народъ всегда желалъ и понынѣ желаетъ видѣть царскую власть себѣ близкою... Царство въ Московскій его періодъ было глубоко народнымъ. Сословный строй не былъ кастовымъ. Табель о рангахъ создала иной укладъ жизни, но только оффиціальной жизни правящаго класса... Національные идеалы оставались прежними. Въ полицейскомъ государствѣ измѣнился характеръ царской власти, но народныя представленія о ней не измѣнились. Этихъ представленій ничто не могло поколебать: ни годы внутреннихъ потрясеній, ни періоды неудачныхъ войнъ, ни крѣпостное право, ни агитація вѣдомая съ разныхъ сторонъ государства.

Сама Верховная власть наша не зарекалась отъ національнаго идеала. На продолженіи четырехъ послѣднихъ столѣтій русской исторіи мы видимъ, и всегда болѣе или менѣе энергичную, борьбу царей съ олигархическими теченіями, и, наряду съ постоянными колебаніями въ противоположную сторону, цѣлый рядъ попытокъ сближенія царской власти съ народомъ и, если не устраненія, то возможнаго ослабленія «средостѣній» между ними.

Чувствуя потребность знать мнѣніе народное, московскіе цари неоднократно созывали земскіе соборы. Екатерина II пригласила выборную отъ всего государства комиссію составлять новое уложеніе.

Освобожденіемъ крестьянъ императоромъ Александромъ II-мъ и введеніемъ безсословнаго суда и земства было показано, что передъ царемъ всѣ сословія должны быть равны.

Наконецъ, 17 октября 1905 года, нынѣ Царствующій Государь Императоръ твердо, опредѣленно и несомнительно изъявилъ свою Державную Волю въ формѣ знаменитаго Манифеста, который долженъ стать краеугольнымъ камнемъ, основаніемъ государственнаго быта обновленной Россіи. Царь объявилъ о своей

близости къ народу. Только теперь эта близость перестала быть патріархальнымъ общеніемъ наивнаго вѣрованія народнаго и превращалась въ выработанную современными культурными потребностями конституціонную государственность. Но духъ гражданскаго равенства, ее проникавшій, ея цѣли и задачи въ конечномъ выводѣ совершенно совпадали съ національнымъ идеаломъ русскаго демократическаго царства.

Наша «пореформенная» дѣйствительность противорѣчитъ этому идеалу. Послѣ роспуска 2-й Государственной Думы и измѣненія избирательнаго закона политическая эволюція совершается въ направленіи, какъ разъ противоположномъ національному идеалу: бюрократическій режимъ неуклонно смѣняется олигархическимъ. Столицы и крупные промышленные центры не чувствуютъ еще этого «новаго» режима, но почти во всей остальной Россіи политическое господство дворянъ-землевладѣльцевъ, опирающихся на законы 1889, 1890 и 1907 годовъ, стало уже, вполнѣ очевидно, совершающимся фактомъ. Верховники XX столѣтія, «объединенные дворяне» стараются закрѣпить создавшееся положеніе. Между тѣмъ, народное сомосознаніе отъ вѣка признавало основою государственнаго правопорядка равенство всѣхъ передъ единымъ царемъ и единымъ закономъ.

Олигархическая правая и республиканская крайняя лѣвая единодушно утверждаютъ, что только дворянство—надежная защита Престола, что монархія не можетъ опираться на весь народъ, но единственно—на аристократію; что демократическое царство—не болѣе, какъ традиціонное суевѣріе темныхъ массъ, безпочвенная фантазія политическихъ романтиковъ.

Конечно, это возраженіе дѣлается прежде всего pro domo sua... Исторія же наглядно показываетъ осуществимость народнаго идеала, глубокую его жизненность и высокую практическую цѣнность, какъ фактора національнаго прогресса.

Блестящій примѣръ – современная, такъ называемая

третья (въ отличіе отъ римской и средневѣковой) Италія, народъ которой по характеру своему и своеобразному укладу общественной жизни столь много напоминаетъ русскій. Вспомнимъ ея исторію.

Въ первой половинѣ минувшаго столѣтія венты карбонаріевъ, прокламаціи и заговоры Маццини, книги Джіоберти, Азеліо, Бальбо постепенно создали національно-освободительное движеніе въ странѣ, дѣлившейся на мелкія государства, вассальныя Австріи, частью ей непосредственно принадлежавшія, и носившей географическое имя Италіи. Вопросъ о формѣ будущаго суверенитета долго раздѣлялъ общество на партіи, что чрезвычайно вредило въ борьбѣ за независимость и объединеніе. Но вотъ наступилъ 1848 г. Король Пьемонтско-Сардинскій Карлъ-Альбертъ сбросилъ съ себя маску легитимиста и покорнаго слуги Габсбурговъ, которую носилъ 18 лѣтъ,—обнародовалъ конституціонную хартію, объявилъ Австріи войну и призвалъ къ себѣ на помощь всѣхъ революціонеровъ Италіи, отъ Венеціи и до Палермо. Въ отчаянной борьбѣ съ превосходными силами противника, Карлъ-Альбертъ не думалъ ни о себѣ, ни о династіи, съ беззавѣтной храбростью, лично, вмѣстѣ съ сыновьями участвуя въ сраженіяхъ. И тамъ, на поляхъ Ломбардіи, въ виду грознаго четырехугольника австрійскихъ крѣпостей, сардинскіе солдаты и революціонные волонтеры уже привѣтствовали Карла-Альберта, какъ перваго короля единой Италіи. Но военное счастье ему измѣнило, и побѣдитель при Гоито, Говерноло и Монцамбано былъ разбитъ при Кустоццѣ и Новаррѣ. Тогда Карлъ-Альбертъ, не желая подписать миръ съ Австріей, которая признавала его королемъ мятежниковъ, и надѣясь на лучшія условія мира, т. е. ради блага государства, отрекся отъ престола въ пользу сына, Виктора-Эммануила, и уѣхалъ въ добровольное изгнаніе въ Португалію, гдѣ вскорѣ умеръ. Викторъ-Эммануилъ II въ теченіе всего своего долгаго и блестящаго царствованія велъ себя, какъ истинный пат-

ріотъ, уважалъ народныя свободы и хартію. Служить либеральному королю пришелъ знаменитый революціонеръ Гарибальди. При активномъ содѣйствіи послѣдняго завершилось объединеніе Италіи подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

Внукъ Galantuomo, нынѣшній король Викторъ-Эммануилъ III, послѣдовательно проводитъ въ жизнь національно-демократическія традиціи Савойской династіи и является во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ конституціоннымъ государемъ нашего времени, покорившимъ даже предубѣжденность соціалистовъ. Стоящая внѣ партій, одинаково доброжелательная всѣмъ патріотамъ, національная династія служитъ дѣлу народнаго единенія, способствуетъ развитію конституціонныхъ свободъ, охраняетъ устойчивость государственнаго порядка.

Результаты такого режима оказались поразительными. Объ этомъ всего лучше могутъ разсказать тѣ, кто были въ Италіи 40 лѣтъ, 20 лѣтъ тому назадъ и, теперь. Культурное самоопредѣленіе третьей Италіи, ея сказочный прогрессъ, матеріальный и духовный, приковываютъ къ себѣ общее вниманіе, заставляютъ видѣть дальнѣйшія счастливыя перспективы.

Основной государственный идеалъ русскій, въ примѣненіи къ условіямъ современной жизни, совершенно тождественъ съ итальянскимъ... Россія имѣетъ, даже триста лѣтъ подрядъ, свою національную династію, и у династіи этой есть своя патріотическая традиція. Однако, наше „первенствующее“ сословіе, земельное дворянство, въ своемъ большинствѣ никогда не поддерживало прогрессивныхъ начинаній государей и, внѣшнимъ образомъ повинуясь, впослѣдствіи стремилось реформы, по возможности, урѣзывать и умалять. Политика русскаго дворянства, какъ сословной организаціи, рѣзко отличалась отъ дворянства итальянскаго, которое участвовало въ освободительномъ движеніи, жертвуя жизнью и имуществомъ, пода-

вая примѣръ прочимъ гражданамъ, являясь предметомъ народной гордости. Гонфалоньери, Паллавичино, Бельджіойозо, Казати, Риказоли—представители класса тамъ, Марковы, Пуришкевичи, Крупенскіе—здѣсь. Тамъ—самопожертвованіе и любовь къ отечеству, здѣсь—борьба за власть, за привиллегіи класса. Тамъ—большіе труды безъ громкихъ словъ, здѣсь—монополія на націонализмъ и патріотизмъ безъ соотвѣтствующихъ дѣлъ.

Кто у насъ сейчасъ добровольные реакціонеры? Только «цензовики», лица, стоящія на стражѣ своихъ классовыхъ интересовъ. Въ Россіи нѣтъ реакціи во имя идеи, но есть реакція во имя привиллегій, которая подкапывается подъ вѣковой государственный идеалъ русскихъ людей. Вмѣсто призванныхъ съ высоты Престола «богатырей мысли и дѣла», сумѣли собраться карлики политической мысли, губители живого общественнаго дѣла и они-то воздвигаютъ стѣну между царемъ и народомъ.

Вѣчевой.

Къ вопросу о крестьянской идеологіи.

По поводу полемики между „лѣво-народническими“ и рабочими газетами.

До 1905—06 годовъ политической организаціи среди крестьянъ не было, но считалось общепризнаннымъ, что идеологія крестьянскаго движенія въ существенныхъ чертахъ заключается въ программѣ тѣхъ лѣвыхъ группъ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вели работу «въ народѣ». По крайней мѣрѣ, дѣлать общественныя выступленія отъ имени крестьянства и народа считалось привиллегіей такъ называемыхъ, «лѣво-народниковъ». Но лишь только русская трудовая земледѣльческая масса стала политически просыпаться и выступать на широкую арену, какъ «эсъ-эровская» идеологія оказалась для нея неудобнымъ платьемъ, сшитымъ на малый ростъ и затрещала по всѣмъ швамъ. Въ первой же Гос. Думѣ появилась особая «трудовая группа», которая пыталась соціалистическое мышленіе интеллигенціи примирить съ конкретными нуждами трудящагося народа, а внѣ Гос. Думы эсъ-эры распались сразу съ двухъ сторонъ: налѣво пошли «максималисты», желавшіе путемъ активнаго «воспитанія воли» форсировать шествіе крестьянъ по пути къ соціалистическому сознанію, направо — «народные соціалисты», поставившіе своей цѣлью смягчить программу и сдѣлать уступки крестьянской умѣренности.

Въ послѣднее время «эсъ-эрства», какъ движенія, почти нѣтъ; деревня, освобождаясь отъ общины, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается и отъ внушенныхъ ей соціалистами мечтаній; разбуженное отъ спячки крестьянство занялось въ первую голову устройствомъ личной жизни.

Но въ городахъ осталась небольшая группа интеллигентовъ, которая пытается держаться за обломки стараго миража, рисующаго крестьянъ сторонниками коллективизма и коммунизма и на этомъ основаніи воюетъ съ марксистами, не признающими ея роли въ соціалистическомъ движеніи.

Марксистскія газеты, полемизируя съ лѣво-народническими органами, доказываютъ, что у крестьянства и рабочаго класса безусловно два пути. Крестьянство вовсе не соціалистично, оно состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ; психологія ихъ не идетъ далѣе мелко-буржуазнаго или буржуазно-демократическаго пониманія.

И надо признаться, истина на сторонѣ марксистовъ. Крестьянство не можетъ быть соціалистично въ силу своего положенія и условій труда. Въ основѣ крестьянскаго міровоззрѣнія лежитъ идея собственности, во имя которой крестьянинъ работаетъ. Крестьянинъ не знаетъ дробнаго раздѣленія труда, его вниманіе и силы не ограничены направленіемъ ихъ на выработку какой-либо мелкой части продукта безъ всякаго представленія о цѣломъ, какъ это мы видимъ на заводахъ, гдѣ группы рабочихъ нерѣдко бываютъ заняты обтачиваніемъ одного винтика отъ сложнаго механизма; крестьянинъ—непосредственный производитель, стоящій у дѣла, цѣликомъ въ своемъ развитіи обязаннаго ему. Въ крестьянской работѣ играетъ роль не только обиліе пролитаго пота и количество отработанныхъ часовъ, но и сообразительность, иниціатива, предпріимчивость, то есть тѣ качества, которыя характеризуютъ организатора производства, владѣльца, а не наймита. Земля требуетъ, чтобы за нею ухаживали, относились къ ней съ любовью. Любить же можно только то, что свое, собственное. Чувства собственника заставляютъ заботиться объ умноженіи выгодъ. Вотъ почему крестьянинъ при малѣйшихъ успѣхахъ сразу прибѣгаетъ къ наемному труду, къ батракамъ.

Въ лѣво-народническихъ газетахъ не отрицается

существованіе такой тенденціи въ крестьянствѣ, но желаніе доказать соціалистичность русскаго земледѣльца во что бы то ни стало заставляетъ ихъ, что называется, «притягивать аргументы за волосы». Лѣво-народники прежде всего отрицаютъ сословный терминъ: крестьянинъ и подчеркиваютъ, что они имѣютъ въ виду то «трудовое крестьянство, ту огромную въ Россіи часть земледѣльческаго населенія, которая создаетъ собственнымъ трудомъ хлѣбъ не только для своего отечества, но и для вывоза за границу, при чемъ сама не только никого не эксплоатируетъ, но весьма часто сидитъ безъ хлѣба, который производитъ».

Можно подумать, согласно такому опредѣленію «трудового крестьянства», что большая часть нашихъ земледѣльцевъ сидитъ безъ хлѣба идейно и намѣрена сидѣть такъ и всегда, лишь бы доказать свое классовое родство съ неимущимъ фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ. Въ дѣйствительности же крестьянство голодаетъ по нуждѣ, избыть которую оно стремится въ существующемъ строѣ самымъ буржуазнымъ образомъ: кредитомъ на пріобрѣтеніе въ собственность большаго количества земли, лучшей организаціей сбыта хлѣба. Кооперативное движеніе среди крестьянства носитъ отчетливо выраженный характеръ личной взаимопомощи, и накопленіе сбереженій, служитъ для развитія частныхъ небольшихъ хозяйствъ. Наконецъ и сами „лѣво-народники“, признаютъ, что „при подходящихъ условіяхъ любой трудовой крестьянинъ не прочь превратиться въ буржуя“ (Ст. М. № 14). Отсюда выводъ: въ сферѣ экономической заинтересованные въ самомъ трудѣ, въ его результатахъ, крестьяне являются противоположностью рабочимъ, которые совершенно равнодушны къ вырабатываемымъ продуктамъ, но заинтересованы лишь въ количествѣ занятыхъ часовъ. Въ сферѣ общегосударственныхъ интересовъ крестьяне, какъ собственники, тоже не могутъ

раздѣлять цѣликомъ пролетарскія идеи. Единственно, что сближаетъ два класса, это—вопросы демократическихъ реформъ, но и тутъ въ основѣ господствуютъ двѣ разныя точки зрѣнія.

До чего прочно сидитъ въ каждомъ представителѣ сословія крестьянъ его хозяйственная сущность, мы видимъ изъ описаній извѣстнаго публициста А. П. Мертваго, излагающаго свои впечатлѣнія о западномъ рабочемъ элементѣ въ брошюрѣ: «Въ туманѣ нашей намѣчающейся культуры».

«Все трудовое населеніе Западной Европы проникнуто буржуазной идеей, и въ Парижъ стекаются чуть ли не всѣ молодыя силы Франціи, чтобы дѣлать попытки проявленія своей индивидуальности. Нѣтъ тамъ рабочаго, который не перепробовалъ бы цѣлаго ряда спеціальныхъ отраслей труда въ надеждѣ найти дѣло, которое дало бы ему возможность добиться самостоятельности и благосостоянія.

«Но далеко не всякій къ этому способенъ. Одинъ недостаточно имѣетъ иниціативы, другой невыносливъ въ трудѣ, третій неспособенъ накапливать сбереженія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитаній по разнымъ хозяйствамъ, послѣ испробованія своей работоспособности въ рядѣ спеціальностей, такой неудачникъ идетъ на фабрику, гдѣ для труда индивидуальности не требуется, гдѣ все производство основано не на творчествѣ рабочаго, а на его «рабочей силѣ», и гдѣ соціализмъ можетъ дать рабочему суррогатъ, замѣняющій личную иниціативу».

То, что здѣсь говорится о французскомъ трудовомъ населеніи, приложимо и къ итальянскому, нѣмецкому, русскому. Въ Россіи до сихъ поръ значительная часть фабричныхъ рабочихъ не порываетъ своихъ связей съ деревней и уѣзжаетъ лѣтомъ домой на полевыя работы на своемъ (хотя бы онъ назывался ранѣе и общиннымъ) участкѣ. Почти въ каждой деревнѣ, отправляющей на заработки въ города свою молодежь, находится нѣсколько человѣкъ, которыхъ городъ не могъ

засосать, и они при первой возможности бросали заводъ или фабрику и ѣхали въ деревню устраиваться своимъ хозяйствомъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такой элементъ въ глазахъ рабочихъ является наименѣе желательнымъ: онъ не увлекается соціализмомъ, неохотно бастуетъ, дорожитъ заработкомъ, изъ котораго ухитряется дѣлать сбереженія. Среди же крестьянъ, наоборотъ, такіе люди, которые сумѣютъ заработать и вернутся въ деревню «хозяйничать», встрѣчаютъ поощреніе. Вотъ здѣсь и обнаруживается разница во взглядахъ пролетаріата и крестьянства.

Наша идеалистическая интеллигенція смотритъ на крестьянъ сквозь призму собственнаго нерасположенія къ частной земельной собственности и ей кажется, что и крестьяне съ нею солидарны во взглядахъ. Какъ на примѣръ разнорѣчивости въ этомъ вопросѣ, существующей между крестьянами и интеллигенціей укажемъ на характерные два факта. Въ «Московской Газетѣ» писатель Евгеній Чириковъ какъ то заявилъ письмомъ въ редакцію, что онъ «никогда въ жизни не владѣлъ землей и не занимался хозяйствомъ. Равнымъ образомъ никогда не стремился къ собственности». Это письмо типичное интеллигентское «старовѣрческое» представленіе о собственности, какъ о грѣхѣ, о чемъ-то постыдномъ.

Но совсѣмъ иначе смотрятъ на этотъ вопросъ крестьяне. Въ газетѣ «Волгарь» была помѣщена замѣтка о произведенной 29 октября 1913 гогда среди слушателей сельско-хозяйственныхъ губернскихъ земскихъ курсовъ анкетѣ о преимуществахъ той или другой формы крестьянскаго землевладѣнія. Участвовало въ анкетѣ 44 крестьянина, изъ нихъ 28 общинниковъ и 16 единоличныхъ собственниковъ. Въ результатѣ баллотировки получилось: за единоличное владѣніе высказалось 39 (за хуторское 22 и за отрубное 17), за общинное всего 5 человѣкъ. Здѣсь стремленіе къ собственности вполнѣ опредѣленное.

Споръ о томъ, кто такіе крестьяне въ массѣ, какъ

соціальная группа, на западѣ вырѣшенъ уже давно, и вырѣшенъ на основаніи фактовъ и убѣдительныхъ данныхъ, что же касается русскихъ крестьянъ то и они не обнаруживаютъ тенденціи къ обособленности въ отношеніи своихъ западныхъ собратій и врядъ ли авторы изъ «лѣво-народническихъ изданій» могутъ убѣдить кого-нибудь въ соціалистичности крестьянъ. Ихъ собственный неуспѣхъ въ рабочемъ движеніи обрисовываетъ то мѣсто, которое отводятъ старымъ «идеологамъ» крестьянъ сами рабочіе. Послѣдніе разсуждаютъ вполнѣ логично: «лѣво-народники», желая представительствовать интересы крестьянства, обязаны защищать частную, хотя и мелкую собственность, если они хотятъ быть искренними. А разъ такъ, то о какомъ же соціализмѣ можно говорить? И если «лѣво-народники» все же упираются и хотятъ сочетать соціализмъ съ крестьянствомъ, то это не что иное, какъ интеллигентская привычка выдавать свои мысли въ качествѣ взглядовъ и убѣжденій «массъ», не считаясь съ дѣйствительностью.

Русскій крестьянинъ, вступающій въ полосу индивидуализаціи хозяйства и широкаго роста мелкой земельной собственности, не можетъ, естественно раздѣлять вполнѣ теоріи «лѣво-народниковъ», за его счетъ и отъ его имени провозглашающихъ свои лозунги. Тѣ общественно-политическія группы, которыя дѣйствительно выйдутъ изъ крестьянскихъ рядовъ и начнутъ работать надъ улучшеніемъ положенія крестьянъ, этого главнѣйшаго слоя населенія страны, опоры государства,—будутъ болѣе внимательно прислушиваться къ зовамъ жизни русской деревни и сообразно съ ними поступать, то-есть, найдутъ свою мелко-буржуазную дорожку. Народная партія, возникновеніе которой настойчиво вызывается настоящими условіями, ставящая своей задачей отражать реальные интересы крестьянства, явится лишь партіей прогрессивно-демократической, но не соціалистической.

А. Новгородскій.

Крестьянинъ-государственникъ.

Среди многихъ славныхъ русскихъ людей, которыми Россія можетъ по праву гордиться, есть одно, несправедливо забытое, имя—личность, которая должна быть дорога не одному только историку-изслѣдователю, но поистинѣ каждому человѣку, считающему себя гражданиномъ Великой Россіи.

Личность эта—крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, писатель-самородокъ, современникъ Петра Великаго, недюжинный государственный умъ, великій патріотъ, во многомъ опередившій свое время и не потерявшій еще цѣнности для нашего; личность, ясно свидѣтельствующая о томъ, какія могучія силы, какія широкія возможности скрыты въ нашемъ народѣ, указывающая на то, что не изсякла національная мощь страны, изъ нѣдръ которой еще появляются Ломоносовы, Посошковы...

Посошковъ оставилъ послѣ себя много различныхъ сочиненій, но главнымъ трудомъ его является знаменитая «Книга о скудости и богатствѣ», интересная для насъ, современниковъ, помимо своего историческаго значенія, въ томъ еще отношеніи, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразились народные идеалы государственнаго бытія. До манифеста 17-го октября масса народная стояла въ сторонѣ отъ государственнаго строительства, тамъ, въ глубинѣ Россіи, казалось, была «вѣковая тишина»... Значило ли это, что народная мысль спала непробуднымъ сномъ? значило ли это, что народная душа не болѣла нестроеніемъ русской жизни? значило ли это, что народъ нашъ не имѣетъ своихъ идеаловъ и, проснувшись, пойдетъ за какими угодно поводырями? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Опекаемый

со всѣхъ сторонъ, безправный, народъ-труженикъ таилъ свои думы и далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова.

Тѣмъ болѣе важно для насъ услышать то рѣдкое слово, которое срывается съ народныхъ устъ, узнать народную скорбь и желанья непосредственно отъ самого народа, кормильца и поильца страны. Такимъ выразителемъ народныхъ желаній несомнѣнно является И. Т. Посошковъ,—«въ наукахъ простецъ», а «въ чинѣ земледѣлецъ».

Несложна, хотя и богата, его біографія. Москвичъ родомъ, онъ рано попадаетъ въ центръ умственнаго движенія своего времени—въ горнило религіозной распри раскола съ православіемъ и даже самъ одно время «хромаетъ недугомъ раскольничимъ». Разъ проснувшаяся мысль не гаснетъ—отъ религіозныхъ вопросовъ Посошковъ переходитъ къ соціально-политическимъ и, между прочимъ, арестовывается, какъ участникъ кружка молодежи, собиравшейся у Авраамія Палицына, который подалъ Петру записку: «О гибельномъ положеніи отечества». Освобожденный за недостаткомъ уликъ, Посошковъ начинаетъ торговое дѣло, путешествуетъ по Россіи, присматривается къ несовершенствамъ русской жизни, пишетъ рядъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: религіозному—«Зерцало суемудрія раскольнича», военному—«О ратномъ поведеніи», финансовому—«Денежное письмо» и «О новоначинающихся деньгахъ» и т. п. Ко всему этому присоединяется необычайно-продуктивная практическая дѣятельность самородка-крестьянина: такъ, онъ открываетъ мѣсторожденіе сѣры, изобрѣтаетъ денежный станокъ, особыя «защитныя пищали» (нѣчто вродѣ пулемета), ходатайствуетъ о разрѣшеніи открыть коломянковую и карточную фабрику, изучаетъ водопроводное дѣло и т. д., и т. д. Наконецъ, глубокимъ старикомъ, съ богатѣйшимъ запасомъ опыта и наблюденій, пишетъ онъ замѣчательное, обезсмертившее его сочиненіе «Книгу о скудости и богатствѣ», въ которой онъ

является убѣжденнымъ сторонникомъ реформъ Петра и предлагаетъ рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ о необычайно-мудромъ государственномъ умѣ и пламенномъ, безкорыстномъ патріотизмѣ.

Книгу свою Посошковъ посвящаетъ «Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему Императору и Самодержцу всероссійскому, Петру Великому, Отцу отечества».

О намѣреніяхъ своихъ онъ говоритъ такъ: «Въ россійскомъ народѣ, присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради и возжелахъ предъ очи твоего Императорскаго Величества, о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ (т.-е. предполагаемыхъ) дѣлехъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе». Опасаясь и, какъ увидимъ ниже, совершенно основательно, происковъ и интригъ придворныхъ партій, Посошковъ проситъ: «да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ, и обидчикамъ, и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увѣдятъ о моей мизирности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой».

Неизвѣстно, дошла ли до Петра эта книга. Вѣрнѣе всего, что нѣтъ, ибо—нѣтъ сомнѣнія—опытный глазъ великаго Кормчаго, умѣвшаго отличить все даровитое, искреннее и полезное, отмѣтилъ бы Посошкова и призвалъ бы въ дѣятельные соратники. Петръ умеръ въ годъ написанія «Книги о скудости и богатствѣ». Посошковъ же не уберегся «отъ ябедниковъ и обидчиковъ» и внезапно, 26 августа 1725 года, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость—«по важной криминальной винѣ». Нетрудно догадаться, какова была «криминальная вина»: у арестованнаго черезъ нѣсколько дней и по другому дѣлу подьячаго

Шишкина выпытывали, не имѣетъ ли книгу изданія Ивана Посошкова «зовомую скудость съ богатствомъ». Безъ суда и слѣдствія сидѣлъ Посошковъ въ крѣпости и, истерзанный нравственно и физически, тамъ скончался 1 февраля 1726 года. Похороненъ по распоряженію Тайной Канцеляріи на кладбищѣ колодниковъ, у церкви Симеона, т.-е. на нынѣшнемъ Смоленскомъ кладбищѣ.

* * *

Къ счастію, открытое Погодинымъ, сочиненіе Посошкова дошло до насъ. Что же мы находимъ въ немъ? какія мысли крестьянина-«неука» позволяютъ намъ назвать автора ихъ «умомъ государственнымъ»? Прежде всего, мы видимъ въ книгѣ «О скудости и богатствѣ» широкій планъ реформъ судебныхъ, военныхъ, финансовыхъ, народнаго просвѣщенія, церковной политики, хозяйства; всѣ эти планы, всѣ эти проекты объединены основнымъ принципомъ, основною мыслью, что, въ случаѣ ихъ проведенія въ жизнь «Россія наша яко отъ сна пробудится и просвѣтится яко солнце». Остается только удивляться, какъ могъ простой, необразованный крестьянинъ такъ всесторонне охватить всѣ отрасли государственнаго бытія, не забыть самыхъ незначительныхъ мелочей и предложить къ разрѣшенію наболѣвшихъ вопросовъ цѣлую систему мѣропріятій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, проектъ всеобщаго обязательнаго обученія, и по сію пору ждетъ своего осуществленія.

Далѣе—и это, пожалуй, не менѣе важно—мы находимъ въ сочиненіи Посошкова ясное и точное провозглашеніе здоровой и ясной національной идеи, пониманіе первенства государственнаго интереса и его самодовлѣющей силы. Націонализмъ Посошкова является лучшимъ примѣромъ для безрадостныхъ дней нашей современности, когда національная идея захватана грязными руками дѣльцовъ, умѣющихъ только рычать на инородца, ибо за это рычаніе платятъ деньги, и

не способныхъ ни къ какой творческой работѣ. Націонализмъ Посошкова заключается въ признаніи необходимости развитія производительныхъ силъ страны, неуклоннаго и всемѣрнаго пріобщенія Россіи къ успѣхамъ западной культуры, необходимости нашей побѣды надъ иностранной конкурренціей, русскаго могущества и величія; націонализмъ Посошкова обусловливаетъ отвѣтственность власти предъ страной, забвеніе своекорыстныхъ интересовъ—словомъ, націонализмъ Посошкова, прежде всего, живоносенъ, прогрессивенъ, прежде всего, знаменуетъ собою начало творческое, дѣятельное.

Наконецъ, совершенно ясно выступаетъ въ произведеніи Посошкова демократизмъ: онъ ясно представляетъ себѣ необходимость согласованности власти съ народомъ, не колеблясь, заявляетъ о правѣ народа участвовать въ государственномъ управленіи, нѣсколько разъ подчеркиваетъ великую нужду выслушать голосъ не только привилегированныхъ сословій, дворянства и служиваго элемента, но и купечества и, наконецъ, крестьянства.

Въ настоящей статьѣ мы постараемся иллюстрировать небольшими выписками хотя бы нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше положеній. На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ Посошковъ—экономистъ и государственный политикъ. Совершенно незнакомый съ экономической литературой Запада, живя въ эпоху, когда богатство государства измѣрялось богатствомъ фиска, а сила государства отождествлялась съ силою правительства, онъ тѣмъ не менѣе нападаетъ на это воззрѣніе и полагаетъ основы государственнаго богатства въ богатствѣ народномъ. Такъ онъ пишетъ:

„Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, еже ли бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы а не внѣшними одеждами или позументными украшеніями“...

Подчеркивая, что Россія должна быть, главнымъ образомъ, страною вывоза, Посошковъ съ гордостью перечисляетъ неисчерпаемыя естественныя богатства, сѣтуетъ на косность и отсутствіе предпріимчивости нашего купечества, высказывается за развитіе широкаго кредита, устройство товариществъ и т. п. Лѣсоводство, табаководство, разведеніе льна, рыбный промыселъ—все знакомо Посошкову и всюду выступаетъ онъ съ какимъ-либо нововведеніемъ, въ надеждѣ поставить дѣло на должную высоту и сломить западную конкурренцію.

Но для всѣхъ этихъ реформъ необходимо, конечно, поднятіе культурнаго уровня народа, борьба съ темнотою и невѣжествомъ массъ. Здѣсь Посошковъ является ярымъ борцомъ за народное просвѣщеніе:

„Построить бы въ епархіяхъ школы просторныя, собрать бы всѣхъ духовныхъ дѣтей отъ 10 до 25 лѣтъ, брать бы и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума. Давать школьникамъ книги и гражданскія, бытейскія и лѣтописныя, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ было. Нехудо учинить крѣпкое опредѣленіе, чтобы и въ малыхъ деревняхъ безотложно учить дѣтей грамотѣ. Да не худо бы и у мордвы дѣтей брать и учить грамотѣ, хотя бы и насильно. Аще такъ устроить, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ, вся Россія умудрилась бы".

Особенно настаиваетъ Посошковъ на образованіи духовенства, которое такъ безсильно, что въ спорѣ «татаркѣ противу ея заданія сказать ничего не можетъ»; на освобожденіи сельскаго духовенства отъ заботы о хлѣбѣ насущномъ путемъ назначенія ему жалованья и т. д. Въ ратномъ дѣлѣ Посошковъ совѣтуетъ обращать вниманіе не столько на количественную, сколько на качественную боеспособность войска, улучшить жалованье солдатамъ, человѣчнѣе обращаться съ ними и т. п. Всегда готовый, за отсутствіемъ въ Россіи мастеровъ, учителей, оныхъ «хотя бы изъ Люторскія земли достать», здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, Посошковъ совѣтуетъ быть осторожнѣй, ибо «такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ

иноземныя руки ввѣривать». Вообще онъ нѣсколько подозрительно относится къ зарубежнымъ сосѣдямъ:

„Да не компанствами ли жъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истиною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегдабъ въ поношеніи были, и всегдабъ ихъ за господъ себѣ имѣли".

Но всего любопытнѣе сужденія Посошкова о правовомъ положеніи государства. Критика современнаго ему строя—больное мѣсто крестьянина-правдолюбца, который писалъ не «киченія ради или ради прибытка, какого поисканія или самохвальства» но единственно «видя правду отверженну возжелалъ тую объявить». Не мало насмотрѣлся Посошковъ во время своихъ путешествій на темныя явленія русской жизни; съ горечью передаетъ онъ намъ о возмутительныхъ фактахъ, свидѣтелями которыхъ онъ былъ. Не мало и самъ натерпѣлся онъ. Такъ, однажды, капитанъ Мавринъ отнялъ лошадь у слуги Посошкова, а слугу велѣлъ высѣчь батогами. Посошковъ «суда не сыскалъ», а лошадь пропала. Въ другой разъ Голицынъ арестовалъ Посошкова, и онъ «просидѣлъ недѣлю ни за что, ни про что». «И я аще не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщетъ судъ кто мизирнѣе меня? Только что объ обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу».

Картина жизни русской конца XVII и начала XVIII вѣковъ была весьма и весьма безотрадной: въ судахъ господствовала продажность и волокита, отъ управленія воеводъ во многихъ мѣстахъ люди «въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія раззорены, бредутъ врозь и у многихъ у нихъ пашня залегла, всюду насиліе, взяточничество, обиды сильныхъ людей». Петръ Великій боролся съ всѣми этими темными явленіями, но онъ былъ одинокъ и не въ силахъ, конечно, былъ вырвать однимъ взмахомъ мощной руки все зло русской жизни. Даже ближайшіе его помощники не всегда были безкорыстными исполнителями

его воли. Посошковъ отмѣчаетъ это, говоря, что «откуду не посмотришь, нѣтъ у великаго государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ судьи криво идутъ», что приближенные «докладываютъ не прямо и только слово у него великаго государя вытянутъ, да и дѣлаютъ, что хотятъ». Особенно печалитъ Посошкова положеніе современнаго ему правосудія:

„намъ сіе вельми зазорно не точію у иноземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурмане судъ чинятъ праведенъ: а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная никуда негодная, и какіе указы Его Императорскаго Величества не состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаютъ".

Устранить этотъ произволъ, ввести въ русскую жизнь твердыя начала законности и является задачей Посошкова. Прежде всего полагаетъ онъ необходимымъ составленіе новаго Уложенія: «и того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла... дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатъ бы не вносить». Глубоко національный, онъ, однако, и въ этой области не прочь позаимствовать полезное намъ съ Запада:

„и къ тѣмъ русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокупить къ нашему судебнику". Какъ же должно составляться это Уложеніе? „И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина, и отъ гражданства, и высокаго чина, кои не горды, и отъ приказныхъ людей, и отъ дворянства, и отъ купечества, изъ людей боярскихъ и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како въ крестьянахъ не быть людемъ разумнымъ".

Такимъ образомъ, Посошковъ требуетъ самого широкаго народнаго участія въ составленіи новаго Уложенія. Мало того, онъ полагаетъ, что принятіе этого Уложенія должно быть поставлено въ извѣстной степени отъ одобренія всего народа:

„и написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народамъ свидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ,

такъ и низкороднымъ, и самымъ землевладѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было. И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота".

Боясь, что онъ можетъ быть невѣрно понятъ, Посошковъ тутъ же прибавляетъ:

„И сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю, азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякій человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности".

Эти мысли крестьянина Посошкова не могутъ не казаться намъ замѣчательными. Прежде всего, не ограничивается онъ, какъ мы видимъ, полумѣрами, онъ смотритъ въ корень вопроса и предлагаетъ устранить основную причину расшатанности и непрочности государственнаго строя. Мысли его, какъ извѣстно, получили осуществленіе значительно позже, когда Екатерина Великая созвала знаменитую «генеральную комиссію».

Самое устройство судебной части, организацію суда, Посошковъ, вдоволь насмотрѣвшійся всякихъ беззаконій, творящихся въ любезномъ сердцу его отечествѣ, представляетъ въ формахъ, далеко опережающихъ самыя смѣлыя воззрѣнія его времени. Въ этомъ смыслѣ слова его имѣютъ всю прелесть новизны и для насъ, имѣющихъ наряду съ общими судами, цѣлую систему судовъ сословныхъ, административныхъ, духовныхъ, военныхъ и т. п. Посошковъ пишетъ:

„И ради общежительства любовнаго аще великій нашъ монархъ повелитъ судъ устроити единъ каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, таковъ и офицеру, и полковнику и генералу,—и чтобъ судъ учинить близостный, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простолюдина, тако и на служиваго,—то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить".

Всѣ эти мысли свидѣтельствуютъ намъ о необыкновенно ясномъ и проницательномъ умѣ писателя-крестьянина, явившагося первымъ борцомъ за идеи, которыя вполнѣ можно охарактеризовать, какъ опредѣляющія русское націоналъ-демократическое міровоззрѣніе; а смѣлость и откровенность его сужденій о темныхъ явленіяхъ русской жизни подчеркиваютъ въ авторѣ ихъ всю силу любви его къ родинѣ. Въ голосѣ его слышится твердое убѣжденіе, что, если будутъ приняты во вниманіе его предложенія, будутъ «произведены въ дѣло», то «вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ».

П. Константиновъ.

Чего мы ждемъ отъ народной школы?

Съ 23 декабря по 3 января, на порогѣ стараго и новаго годовъ, въ Петербургѣ состоялся первый всероссійскій съѣздъ по народному образованію, главными участниками котораго явились провинціальные учителя низшихъ школъ, почти единственныхъ разсадниковъ просвѣщенія и культуры, доступныхъ широкимъ слоямъ великаго народа.

Созванъ онъ былъ по почину Петербургскаго общества грамотности. Въ отпечатанномъ возваніи организаціонный комитетъ такъ опредѣлялъ руководимые имъ мотивы. «Настоящій моментъ исторіи русской начальной школы можно считать однимъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ. Крупныя историческія перемѣны послѣдняго десятилѣтія поставили вопросы народнаго образованія въ рядъ основныхъ, краеугольныхъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ тѣсно связано дальнѣйшее культурное развитіе Россіи. Исторія съ достаточной убѣдительностью показала, что безъ широкой и планомѣрной постановки начальнаго образованія немыслимы плодотворныя начинанія ни въ экономической области, ни въ области оздоровленія народа, ни въ области тѣхъ реформъ, начало которымъ положено 17 сентября 1905 года».

Далѣе отмѣчалось, что начальная школа стала теперь предметомъ усиленныхъ всеобщихъ заботъ и въ ея жизни намѣчены и близки къ осуществленію рядъ реформъ общаго и спеціально педагогическаго характера.

Въ настоящій моментъ, когда по всѣмъ намѣченнымъ вопросамъ идетъ уже въ правительственныхъ, земскихъ и городскихъ кругахъ практическая работа, иниціаторы съѣзда естественно нашли, что «въ высшей степени важно выслушать голосъ фактическихъ работниковъ начальной школы—народныхъ учителей, людей, нѣсколько десятилѣтій стоявшихъ лицомъ къ лицу съ народной жизнью, собственнымъ опытомъ испытавшихъ цѣлесообразность той или иной образовательной мѣры. Ихъ долголѣтній опытъ, ихъ наблюденія могутъ пролить не мало свѣта на тѣ организаціонныя рѣшенія, которыя сейчасъ вырабатываются наверху, на основаніи теоретическихъ, а подчасъ даже и просто кабинетныхъ данныхъ».

Выслушивать учителей, считаться съ ихъ мнѣніемъ необходимо еще потому, что они явятся непосредственными проводниками намѣченныхъ и утвержденныхъ законодательными палатами мѣръ и отъ отношенія учителей къ этимъ мѣрамъ зависитъ движеніе впередъ нашего школьнаго дѣла.

Нельзя не согласиться съ вѣрностью даннаго выше опредѣленія значенія народной школы и учителя. За нимъ—правда, за нимъ—печальная дѣйствительность русской жизни, внутренній и внѣшній разгромъ. Всѣ неудачи Россіи новѣйшаго періода обязаны не однимъ только злоупотребленіямъ, но и народному невѣжеству, не только въ смыслѣ грамотности, а и въ смыслѣ государственно-національнаго сознанія; даетъ его та же школа. Навстрѣчу вооруженному яснымъ представленіемъ того, куда онъ идетъ и что хочетъ, японцу съ нашей стороны выступали люди, горизонтъ которыхъ оканчивается крышей своей хаты и это обстоятельство опредѣлило извѣстный значительный $^0/_0$ нашего пораженія.

Въ нашей внутренней жизни убожество народнаго образованія сказалось особенно ярко въ томъ, что народъ не смогъ понять и разобраться въ новомъ, принесенномъ съ собою 1905-мъ годомъ строѣ и поэтому

не могъ удержать свои позиціи передъ бурнымъ натискомъ реакціи. Одинъ писатель очень мѣтко охарактеризовалъ причины тугости водворенія законности и права въ нашей деревнѣ даже въ наиболѣе «свободные» дни въ 1905—6 годахъ. «У насъ,—говоритъ онъ,—нѣтъ недостатка въ либеральныхъ кандидатахъ на должности министровъ, сенаторовъ, мы найдемъ прогрессивныхъ губернаторовъ и даже исправниковъ, но вотъ конституціонныхъ урядниковъ и стражниковъ не найдемъ». А вѣдь стражники и урядники изъ народной среды выходятъ, народную психологію имѣютъ. Приказомъ и циркуляромъ нельзя ихъ моментально перевоспитать. Для этого нужно закладывать фундаментъ уваженія къ чужой личности и къ закону со школьной скамьи.

Многимъ покажется, что мы слишкомъ расширяемъ рамки воздѣйствія школы на государственную жизнь, какъ бы заслоняя тѣмъ самымъ другія важныя учрежденія. Но въ томъ и дѣло, что даже такіе государственные институты, какъ парламентъ и судъ, во многомъ зависятъ отъ школы; ихъ правильное функціонированіе и эволюція находится въ связи съ тѣмъ, какъ воспринимаетъ народъ ихъ рѣшенія, какъ понимаетъ онъ ихъ. А пониманіе опять-таки обязано школѣ. Что это такъ,—доказывается ежечасно жизнью культурныхъ народовъ. Огромную направляющую силу школы отмѣчали всегда. Еще философъ Лейбницъ говорилъ: «Отдайте въ мои руки воспитаніе и я преображу міръ». А Фихте, горячія, проникнутыя здоровымъ національнымъ чувствомъ рѣчи котораго заражающе дѣйствовали на нѣмцевъ, высказалъ эту мысль еще болѣе заманчиво и красочно: «Народъ, среди котораго распространено глубокое и многостороннее образованіе, проникающее до самыхъ нижнихъ его слоевъ, станетъ могущественнѣйшимъ и счастливѣйшимъ между народами своего времени, будетъ непобѣдимымъ для своихъ сосѣдей, предметомъ зависти и образцомъ для подражанія для современниковъ».

Народное образованіе должно быть непремѣнно и образованіемъ практическимъ въ то же время. Оно должно дать народу, кромѣ общихъ познаній, и спеціальныя, приспособленныя къ мѣстности, роду занятій населенія. Школа должна воспитать дѣтей народа, приспособить ихъ къ жизни, облегчить путь къ самостоятельности, къ дальнѣйшему развитію.

Страна ждетъ отъ новой школы выдающейся дѣятельности. Она должна дать молодой Россіи умственное, нравственное и трудовое воспитаніе, оздоровить народъ (въ число средствъ оздоровленія входитъ и антиалкогольная пропаганда), посредствомъ физическаго воспитанія, правильно постановленнаго. Намъ не нужна «потѣшная игра въ солдатики», не нуженъ и акробатизмъ, которымъ иногда увлекаютъ насъ братья чехи-соколы, у насъ можетъ быть выработана своя система физическаго воспитанія, вызываемая потребностью жизни. Въ основу ея лягутъ, конечно принципы исчерпывающе изложенные Вильономъ еще въ 1787 году: «Физическое воспитаніе распадается на три отдѣла— во-первыхъ, воспитаніе чувствъ, ихъ органовъ и ихъ отправленій; во-вторыхъ, забота о здоровьи и закаливаніи тѣла для предохраненія отъ болѣзней и волненій страсти и, въ-третьихъ, укрѣпленіе и развитіе тѣла и его отдѣльныхъ членовъ». Здоровье русской націи ввѣряется школѣ наравнѣ съ медициной.

Среди общеобразовательныхъ предметовъ главное— это родиновѣдѣніе, отечественная исторія. Ознакомить съ отечествомъ—значитъ вызвать горячій интересъ и любовь къ родной землѣ и родному народу. Не эта ли святая и первая задача всякой народной школы? Мы знаемъ рядъ примѣровъ, когда правильно постановленное дѣло народнаго образованія создало успѣхъ государству. Германскому, японскому болгарскому и сербскому учителямъ обязаны ихъ страны своимъ развитіемъ и своею мощью. Побѣждалъ французовъ не «энциклопедистъ», не «классикъ», а патріотъ, умѣющій разбираться въ государственныхъ интересахъ и всегда

готовый на жертвы ради нихъ. Этого побѣдителя подготовило народное училище.

Нашъ историкъ Забѣлинъ призывалъ къ воспитанію національно-государственнаго сознанія. «Всѣмъ извѣстно,—говорилъ онъ,— что древніе, въ особенности греки и римляне, умѣли воспитывать героевъ. Это умѣніе заключалось въ томъ, что они умѣли изображать въ своей исторіи лучшихъ своихъ передовыхъ дѣятелей не только въ исторической, но и въ поэтической правдѣ. Они умѣли цѣнить заслуги своихъ героевъ и различали золотую правду и истину этихъ заслугъ отъ житейской лжи и грязи, въ которой каждый человѣкъ необходимо проживаетъ и всегда, больше или меньше, ею марается. Они умѣли отличить въ этихъ заслугахъ не только реальную, и, такъ сказать, полезную ихъ сущность, но и сущность идеальную, то-есть историческую идею исполненнаго дѣла и подвига, что необходимо и возвышало характеръ героя до степени идеала».

Забѣлинъ скорбѣлъ, что наше русское воздѣлываніе исторіи находится отъ древнихъ въ другомъ концѣ, что мы только отрицаемъ и обличаемъ нашу исторію и о какихъ-либо характерахъ-идеалахъ не смѣемъ и помышлять. «Не за то ли самое,—говоритъ онъ,— большинство русской образованности несетъ, быть можетъ, очень справедливый укоръ, что не имѣетъ почвы подъ собою, что не чувствуетъ въ себѣ историческаго національнаго сознанія, а потому и умственно, и нравственно носится попутными вѣтрами во всякую сторону». Вспомнимъ недавніе дни нарожденія у насъ свободы, вспомнимъ популярные лозунги, аргументацію и сравненія, откуда они были взяты? У всѣхъ на устахъ была французская революція, доказательства брались съ запада и отъ другихъ народовъ. Про свою родную исторію, про преемственность идей народной самодѣятельности и демократическаго строя, существовавшаго на Руси, мы совершенно забыли. Искали причинъ исключительно внѣшнихъ, а надъ

внутренней сущностью не хотѣли задумываться. Не подкрѣпленная національнымъ вдохновеніемъ волна общественнаго движенія скоро ослабѣла и не могла смыть остатки коснаго и дряхлаго, что до сихъ поръ еще заслоняютъ намъ горизонтъ.

Народная школа въ Россіи должна быть школою государственною. Въ ея стѣнахъ, какъ въ плавильномъ тиглѣ, должны расплавляться и сливаться въ общую массу россійскихъ гражданъ представители разнородныхъ группъ населенія. Средствомъ для этого одно — общій для всѣхъ государственный языкъ. Каково вліяніе этого фактора на успѣхи ассимиляціи видно, хотябы изъ слѣдующихъ строкъ П. Рысса, помѣщенныхъ въ газетѣ «День»:

«Америкѣ нужно было соединить во-едино десятки народовъ И она создала прекрасную государственную школу. Она устранила національные элементы, она не вбивала патріотизма: она хотѣла и хочетъ дать всѣмъ дѣтямъ языкъ, на которомъ тѣ могутъ сговориться, и необходимый минимумъ знаній, съ какимъ можно принять участіе въ лязгѣ мірового города. И американскія дѣти превратили своихъ товарищей другихъ національностей въ американцевъ. Дѣти оставались въ семьѣ, но духовно уходили къ новой жизни. Отцы и дѣти не узнавали другъ друга. Свершалось огромное событіе. Оно особенно рѣзко сказалось въ русской эмиграціи».

На минувшемъ съѣздѣ, какъ извѣстно вопросъ о языкѣ преподаванія былъ самымъ острымъ и въ большинствѣ оказались противники русскаго языка, видя въ немъ лишь одно изъ средствъ національнаго угнетенія инородцевъ со стороны великоруссовъ. Стоитъ ли доказывать ошибочность такого мнѣнія. Государственный литературный языкъ, именуемый великорусскимъ. въ дѣйствительности является общеимперскимъ; надъ созданіемъ его работали не только великороссы, но въ большой степени, малороссы, бѣлоруссы, поляки и другіе инородцы. Въ его теперешнемъ видѣ онъ

отличается отъ великорусскихъ народныхъ говоровъ и отъ языка великорусскаго историческаго. За то онъ и самый богатый языкъ и необходимъ въ качествѣ фундамента государственнаго единства Россіи.

Все это должны принять во вниманіе наши труженники на нивѣ просвѣщенія, «сѣятели вѣчнаго» въ народѣ. Пусть помнятъ они, что строя типъ народной школы—строятъ будущее націи. Поэтому надо быть ближе къ жизни, тѣсно съ Россіей.

Н. Волховской.

Какъ мы понимаемъ задачи народной партіи въ Россіи.

Въ великой всемірно-исторической драмѣ кипитъ неустанная борьба. Слабые гибнутъ, сильные торжествуютъ—вотъ неизмѣнный желѣзный законъ, управляющій жизнью.

Вглядитесь въ прошлое человѣчества: одни племена безслѣдно исчезли, другія сплотились въ могучія государства и создали высокую культуру. Не значитъ-ли это, что и въ жизни народовъ совершается тотъ-же вѣчный отборъ, какъ и повсюду въ природѣ! Какая-же сила въ этой борьбѣ даетъ однимъ перевѣсъ надъ другими? Готовый и ясный отвѣтъ находимъ въ исторіи. Народъ, оказавшійся не въ силахъ создать крѣпкое государство, уступаетъ свое мѣсто лучше организованному противнику; и торжествующій побѣдитель уничтожаетъ, оттѣсняетъ или ассимилируетъ побѣжденнаго. Фактъ существованія государствъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія не опровергаетъ даннаго положенія. Ибо въ такомъ случаѣ всегда есть господствующее племя, которое — если такое государство не распадется—рано или поздно поглотитъ остальныхъ. Правда, процессъ этотъ нерѣдко очень замедляется, благодаря упорной, иногда героической борьбѣ народностей, отстаивающихъ свою самобытность. Подобный организмъ можетъ даже разложиться на части по наиболѣе сильнымъ національностямъ. Но если этого не случится, господствующее племя завершитъ

усвоеніе. По крайней мѣрѣ тенденція къ тому очевидна. Стоитъ вспомнить Германію и монархію Габсбурговъ. Медленно, но неуклонно идетъ тамъ онѣмеченіе славянъ; исходъ-же его обезпеченъ, если не воспрянетъ единственная, донынѣ мощная, славянская держава, естественный оплотъ славянства—Россія.

Тяжелые дни переживаетъ великая страна въ настоящее время. Быстро растетъ враждебное настроеніе сосѣдей: жестокая военная гроза собирается на западѣ и востокѣ. Внутри же государства—хаосъ и нестроеніе. Правительство — безнадежно. Классовая рознь обостряется. Старые политическіе, соціальные, правовые и нравственные устои расшатаны, а новыхъ не возникло. Вѣка произвола не воспитали ни въ правящихъ ни въ управляемыхъ чувства законности. Тускнѣетъ народная этика: рвутся моральныя и правовыя скрѣпы, сдерживающія общество отъ распада. А страшные бичи русскаго народа—невѣжество и пьянство—гонятъ его на путь духовнаго и физическаго вырожденія. Что же можетъ спасти нашу Родину, удержать отъ паденья великій народъ, не исполнившій своей исторической миссіи, не развернувшій во всю ширь свои богатырскія силы? И на это краснорѣчивый отвѣтъ найдемъ на страницахъ той же исторіи.

Въ годы Великой Разрухи, въ мрачные дни лихолѣтья, когда гибель Московскаго государства казалась всѣмъ неизбѣжной, когда враги отовсюду, какъ хищныя птицы, слетѣлись на добычу,—что спасло тогда многострадальную Русь? Ничто другое, какъ пробужденное національное чувство, объединившее дотолѣ разрозненные элементы Московскаго государства, собравшее нашихъ предковъ подъ стягомъ Минина и Пожарскаго на великую борьбу за спасеніе гибнущаго отечества. А что сплотило, что воодушевляло юго-западную Русь XVII вѣка въ ея великой войнѣ за свободу? Какая сила подняла въ 1812 году весь русскій народъ противъ непобѣдимаго завоевателя? Все то же могучее стихійное чувство.

Но не только Россія богата такими примѣрами: ихъ много и въ жизни любого государства. Легко видѣть, что всюду напряженье національнаго чувства предшествуетъ эпохѣ процвѣтанья, а его ослабленіе— эпохѣ упадка. Это незыблемое положеніе подтверждается и древней и новой исторіей. Цвѣтущая эпоха Греціи и Рима совпадаетъ съ расцвѣтомъ національнаго самосознанія этихъ народовъ. А въ XIX вѣкѣ сильный подъемъ націонализма въ Италіи, Германіи и затѣмъ родной намъ славянской Чехіи, былъ главной причиной ихъ возрожденія.

Къ тому же и возникаетъ каждое государство обыкновенно тогда, когда территоріально-смежныя родственныя племена объединяются подъ общей властью; а растетъ и крѣпнетъ оно по мѣрѣ сліянія этихъ племенъ въ одинъ народъ съ яснымъ національнымъ самосознаніемъ. Потому-то каждое могущественное государство въ основѣ имѣетъ несокрушимое національное ядро, и, съ другой стороны, великіе историческіе народы неизмѣнно стремятся къ созданію такихъ государствъ: здѣсь дѣйствуетъ инстинктъ самосохраненія, такъ какъ въ этой непрестанной роковой борьбѣ за существованіе—которая, какъ мы сказали, и есть законъ жизни—только мощная организація спасаетъ политическую независимость и, съ тѣмъ вмѣстѣ, культурную самобытность народа. Когда-же въ гражданахъ гаснетъ любовь къ Родинѣ и чувство національнаго достоинства, меркнетъ гражданская доблесть, наступаетъ равнодушіе къ общему дѣлу и развивается личный эгоизмъ — тогда разлагается государство и нація гибнетъ.

Не грозитъ-ли и Русской землѣ такая печальная участь? Наша интеллигенція (въ значительной своей части) ко всякому проявленію въ русскихъ людяхъ патріотизма и чувства національнаго достоинства до послѣдняго времени относилась не только безразлично, но даже прямо враждебно. Святая любовь къ Родинѣ и преданность своему народу у насъ до сихъ поръ часто смѣшиваютъ

съ мракобѣсіемъ и человѣконенавистничествомъ. Будто любовь къ человѣчеству, наряду съ холодностью къ родному народу, не пустой самообманъ или не преступное лицемѣріе. Но все же и у насъ появились слабые проблески искренняго національнаго, зародившагося въ средѣ культурной передовой части русскаго народа? И мы, русскіе теперь, — по словамъ профессора Погодина, — «съ исторической неизбѣжностью идемъ по пути пробужденія въ народѣ и интеллигентномъ обществѣ національнаго чувства». И у насъ «создается русская демократическая интеллигенція, въ буквальномъ смыслѣ демократическая, а не просто вѣрующая въ демократическіе идеалы, но народу чуждая и выросшая на отрицаніи всего національнаго. Съ роковой неизбѣжностью создается интеллигенція, для которой народъ и національность являются не простыми принципами или параграфами политической программы, но дѣломъ личнымъ, кровнымъ, неотдѣлимымъ отъ личности». («Утро Россіи», № отъ 12 апрѣля 1914 г.).

Правда, русскій великанъ еще не вполнѣ проснулся, крѣпко еще скованы его могучія плечи. Это лишь предразсвѣтная дрожь пробѣжала по поверхности его огромнаго тѣла. Но она возвѣщаетъ намъ о пробуждающейся богатырской мощи.

Мы нерѣдко слышимъ еще и теперь, не все-ли равно, какой языкъ, чья культура, какая народность возьметъ верхъ въ предѣлахъ русской равнины? вѣдь рано или поздно сгладятся національныя особенности — и будетъ единое человѣчество?..» Такъ говорятъ не только люди, чуждые и враждебные русской національной идеѣ и въ то-же время ревностные поборники своей собственной національности), но такъ разсуждаютъ и русскіе, которые либо опутаны туманной идеологіей общечеловѣчности и простодушно принимаютъ за дѣйствительность плоды фантазіи, чаянья своего добраго сердца, либо глубоко равнодушны ко всему, что поднимается выше обыденныхъ интересовъ ограниченнаго личнаго бытія.

Но тотъ, кто можетъ разбираться въ вопросахъ жизни, не подчиняясь чужому вліянію, въ комъ бьется сердце, способное къ высокимъ порывамъ, въ чьихъ жилахъ—не лимфа, а горячая кровь—никогда не согласится съ этимъ разсужденіемъ.

Отъ его непредубѣжденнаго взора не ускользнетъ, не скроется истина. Онъ придетъ къ неизбѣжному выводу, что возрожденіе Родины нашей невозможно безъ могучаго подъема національнаго чувства, которое одно способно пробудить дремлющія народныя силы и объединить русскихъ людей въ ихъ борьбѣ за великую цѣль — благо и процвѣтаніе многомилліонной Руси! Россія съ давнихъ паръ и понынѣ — страна по преимуществу земледѣльческая. Главную массу ея населенія составляетъ крестьянство. На его плечахъ выросло и окрѣпло огромное государство. Его силой стоитъ оно и теперь. Изъ нѣдръ того же крестьянства, какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости его, вырастаетъ городская трудовая масса, которая все умножается, благодаря усиленію промышленности и обѣдненію деревни. Трудовой народъ—земледѣльцы и городской пролетаріатъ и служащая интеллигенція – вотъ то національное ядро, разложеніе котораго грозитъ гибелью русскому государству и русской народности. Къ его-то благу и оздоровленію должны быть направлены всѣ заботы истинно-національной государственной власти, той власти, которая цѣль существованія своего видитъ въ могуществѣ, величіи и культурномъ расцвѣтѣ Россіи. Только искреннее преслѣдованіе такой цѣли дѣлаетъ государство по истинѣ народнымъ и русскимъ.

Однако, будучи таковымъ, оно должно быть вполнѣ правомѣрнымъ, а потому не можетъ не уважать законныхъ интересовъ всѣхъ гражданъ Имперіи, независимо отъ ихъ происхожденія. Что-же касается отдѣльныхъ народностей съ рѣзко выраженнымъ національнымъ самосознаніемъ и съ развитой самобытной культурой, то за ними нельзя не признать право на

національно-культурное самоопредѣленіе, пока то явно не противорѣчитъ интересамъ державной націи въ цѣломъ.

Только въ стремленіи къ благу великаго русскаго народа видимъ мы и самый смыслъ существованія русскаго государства. Изъ этого основного принципа, какъ его логическое слѣдствіе, вытекаютъ для насъ всѣ задачи государственнаго строительства нашей Родины. Въ общихъ чертахъ онѣ сводятся къ нижеслѣдующимъ положеніямъ.

I) Главная цѣль внутренней политики—духовное и матеріальное преуспѣяніе трудящихся массъ коренного русскаго населенія. Отсюда прежде всего слѣдуетъ: I) необходимость широкаго распространенія общаго и техническаго образованія, а также организація его на національно русскихъ началахъ. Начальное обученіе должно быть безплатнымъ, для всѣхъ обязательнымъ и не менѣе, какъ съ шестилѣтнимъ курсомъ. Причемъ и на этой первой ступени сообщаются элементарныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству либо (сообразно съ мѣстными нуждами) по ремесламъ. Во всѣхъ-же крупныхъ селеніяхъ Великороссіи, Малороссіи, Бѣлоруссіи необходимо открыть высшія начальныя училища и низшія земледѣльческія или ремесленныя школы. Это 2-я ступень элементарнаго образованія; она должна быть также общедоступна, а потому и безплатна.

II) Особенныя заботы надо направить на развитіе и усовершенствованіе всѣхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности, какъ главнаго вида русскаго народнаго труда.

III) Раціональная организація переселенческаго дѣла, соотвѣтственно нуждамъ народнымъ, является однимъ изъ насущнѣйшихъ интересовъ современнаго русскаго крестьянства.

IV) Эксплоатацію природныхъ богатствъ страны необходимо поставить подъ строгій контроль законодательной власти: въ этомъ мы видимъ единственное средство обезпечить разумное пользованіе національными сокровищами и спасти ихъ отъ хищническаго истребленія.

V) Въ виду возрастающаго обезземеленія крестьянъ, увеличивающихъ кадры пролетаріата, настоятельнымъ требованіемъ момента нельзя не признать созданіе такого соціальнаго законодательства, которое-бы обезпечивало трудящимся массамъ средства въ борьбѣ за лучшія условія труда; а равно, наряду съ этимъ, содѣйствовало бы и развитію русской промышленности и торговли.

VI) Далѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тамъ, гдѣ вмѣсто устойчиваго правового порядка, вмѣсто строгой закономѣрности дѣйствій правительства, вмѣсто равенства всѣхъ передъ закономъ—

господствуетъ произволъ подъ личиной закона, самовольно распоряжается, не бояся контроля, безотвѣтственная администрація, царитъ безправіе народныхъ массъ,—тамъ не только не можетъ быть подъема чувства національнаго достоинства, но угасаетъ и послѣдняя искра патріотизма, наступаетъ губительное равнодушіе къ общему дѣлу—зловѣщій признакъ разложенія государства. Вотъ почему въ интересахъ нашей Родины, мы признаемъ неотложно необходимымъ: а) уничтоженіе административнаго произвола во всѣхъ областяхъ русской жизни (дѣятельность правительства должна быть дѣйствительно, а не мнимо подзаконной и подконтрольной) и б) упраздненіе сословныхъ привилегій, какъ требованіе послѣдовательнаго проведенія принципа равенства всѣхъ предъ закономъ.

VII) Ограниченія въ области матеріальнаго и процессуальнаго права, распространяющіяся на многомилліонное сельское населеніе—русское крестьянство подлежатъ безусловному изъятію изъ нашихъ законовъ. Хотя различія городского и сельскаго быта неизбѣжно вызываютъ нѣкоторыя особенности въ правовой жизни города и деревни, но эти особенности отнюдь не должны заключаться въ умаленіи правъ большей части русскаго народа.

VIII) Институтъ земскихъ начальниковъ не можетъ быть терпимъ не только въ своей судебной функціи, но и въ административной. Сельская же администрація, какъ и городская, должна быть подчинена строгому контролю центральныхъ учрежденій.

IX) Необходима демократизація земскаго и городского самоуправленія, возможное расширеніе его компетенціи и ослабленіе административной опеки.

X) Финансовую политику надлежитъ согласовать съ интересами малоимущихъ классовъ. Для этого надо: а) ввести прогрессивный подоходный и поимущественный налогъ и установить минимальный предѣлъ, съ котораго начинается его взиманіе, б) по возможности уменьшить (или даже уничтожить) косвенные налоги на предметы первой необходимости, взамѣнъ того увеличить ихъ на роскошь и вредныя для здоровья продукты (табакъ, вино и пр.); что-же касается в) винной монополіи, этого крупнѣйшаго, но въ то-же время и позорнѣйшаго источника дохода—то отъ него государство должно отказаться безусловно и безповоротно: безумная финансовая политика, основанная на спаиваніи народа, ведетъ къ умственному, моральному и физическому его вырожденію, а слѣдовательно, вопіюще противорѣчитъ національно—государственнымъ интересамъ. Не поощрять, въ фискальномъ интересѣ, этого страшнаго порока, а объ-руку съ обществомъ выступить на рѣшительную борьбу съ нимъ — священный долгъ истинно—національной власти.

XI) Трудно оспаривать, что правильный внутренній порядокъ есть непремѣнное условіе нормальной жизни государства. Поэтому прежде всего, на установленіе его и должны быть направлены заботы пра-

вительства.—Однако внутреннее благоустройство не должно быть единственною цѣлью существованія государства: оно не можетъ забывать и про исконныя задачи внѣшней политики, такъ неразрывно связанныя съ историческимъ призваніемъ и величіемъ русскаго народа. Хотя, по условіямъ переживаемаго момента, приходится всѣ усилія сосредоточить на одномъ вопросѣ: какъ сохранить въ неприкосновенности наличную территорію Имперіи, хотя теперь и не время задаваться аггрессивными цѣлями—тѣмъ не менѣе, въ силу самой природы національныхъ задачъ, въ вопросѣ Галицко-Русскомъ нельзя не отступить отъ установленнаго положенія. Воссоединеніе съ Великой Россіей этой исконной русской области съ ея 4-хъ милліоннымъ православнымъ крестьянствомъ—для русскаго народа есть требованіе чести, отъ котораго національная политика не властна отказаться. Другая великая проблема нашей внѣшней политики—славянскій вопросъ. Разрозненнымъ славянамъ не устоять предъ могучимъ напоромъ германскаго племени. Сохранить свою національность они могутъ только подъ щитомъ Россіи, единственной сильной славянской державы. Ей и должна принадлежать гегемонія въ мірѣ славянскомъ.

XII) Но осуществимость этихъ задачъ стоитъ въ тѣсной зависимости не только отъ внутренняго порядка, но и отъ внѣшняго могущества государства. Необходимое-же условіе послѣдняго — усиленіе боевой готовности Россіи соотвѣтственно возрастанію военной мощи нашихъ сосѣдей. Необходима сильная армія, необходимъ сильный флотъ.

XIII) Однако-же, кто не знаетъ, что сила армій не въ одномъ совершенствѣ военной техники, а, прежде всего, — въ томъ воодушевленіи, которое вызывается сильнымъ подъемомъ національнаго духа, развитое національное самосознаніе и напряженье національнаго чувства творятъ гражданскую доблесть, толкаютъ на путь самоотверженнаго героизма. Одной казарменной дисциплиной не воспитать въ войскахъ такого возвышеннаго духа: это задача, главнымъ образомъ, школы и прессы. И та и другая должны служить національно—русской идеѣ, а не проводить въ жизнь тѣхъ началъ, которыя разрушаютъ нашу государственность и нашу народность.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ цѣли, которыя должно преслѣдовать во внутренней и внѣшней политикѣ національно — русское государство. Изъ всего сказаннаго нельзя не видѣть, что преимущественнымъ объектомъ заботъ его является весь народъ русскій. Съ этой точки зрѣнія государственная организація не есть нѣчто самодовлѣющее, самоцѣльное она — лишь необходимое средство для прогресса національной

культуры, для развитія національныхъ силъ, для выполненія національнаго призванія. Что касается самой формы государственнаго устройства, то она — какъ явленіе временное, преходящее — неизбѣжно мѣняется съ измѣненіемъ условій народной жизни. Мудрость правительствъ не въ томъ, чтобы отстаивать непремѣнно отживающій старый порядокъ, а въ умѣніи во-время и въ мѣру удовлетворить назрѣвшую потребность въ реформѣ. Близорукая-же косность правящихъ классовъ — источникъ глубокихъ революціонныхъ потрясеній.

Но, признавая измѣнчивость формъ государственнаго строя, нельзя однако-же отрицать необходимости крѣпкой государственной организаціи для существованія политически независимой націи. Итакъ, національное государство и свободный народъ—явленія сосуществующія, одно другому сопутствующія. Каждому же историческому моменту, сообразно условіямъ времени, отвѣчаетъ свой политическій правопорядокъ.

Какая-же форма государственнаго устройства наиболѣе соотвѣтствуетъ эпохѣ переживаемой нынѣ Россіей?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, установимъ (опять же лишь въ общихъ чертахъ) слѣдующія основныя начала.

1) Россійская Имперія—государство единое, недѣлимое. Признавая въ извѣстныхъ предѣлахъ за нерусскими народностями право на развитіе самобытной культуры, мы въ то-же время рѣшительно отвергаемъ политическую автономію окраинъ. Такое раздробленіе противорѣчитъ принципамъ истинно-національной политики: оно чревато многими послѣдствіями, угрожающими интересамъ русскаго народа.

2) Россія—представительная монархія. Верховная власть принадлежитъ Императору, который стоитъ внѣ партій и классовъ на стражѣ національно—государственнаго единства. Всѣ распоряженія Монарха

согласно основнымъ законамъ и контрассигнуются соотвѣтствующими министрами.

3) Исполнительная власть принадлежитъ Совѣту Министровъ, дѣйствительный контроль надъ коимъ народнаго представительства установленъ Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября 1905 г. за всѣ свои дѣйствія и за всѣ контрассигнованные ими акты.

4) Народное представительство созывается согласно избирательному закону, выработанному закононательными учрежденіями, на основаніи возвѣщеннаго Манифестомъ 17 октября 1905 года общаго избирательнаго права.

5) Независимая судебная власть, организованная на началахъ, провозглашенныхъ Судебными Уставами Императора Александра II-го.

Въ заключеніе укажемъ еще разъ, что въ политикѣ мы видимъ только средство, ведущее къ великой цѣли—благополучію, могуществу и славѣ Родины нашей, Великой Русской Земли.

Къ регистраціи націоналъ-демократической партіи.

Кромѣ указанныхъ въ статьѣ «Элементы народной партіи въ Россіи» шаговъ по созданію крестьянскаго политическаго объединенія со своею платформою, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ были предприняты попытки оформить назрѣвшую общественную мысль, отлить волнующіе ее вопросы въ рядъ пунктовъ націоналъ-демократической программы. Все это были этапы роста идеи широкой народной партіи.

Къ нимъ принадлежитъ и краткая программа казачьей партіи (монархистовъ-демократовъ), принятая предвыборнымъ собраніемъ уполномоченныхъ отъ станицъ Сунженскаго отдѣла Терской области 20-го января 1907 года (она напечатана въ № 7 «Дымъ Отечества), а также и проектъ платформы народныхъ націоналистовъ, выработанный въ Москвѣ въ 1911 году и вошедшій въ сборникъ «Ладо» (въ Москвѣ тогда же былъ выработанъ и уставъ «Націоналъ-демократическаго Союза», по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не поданный на регистрацію) и приведенное выше «мнѣніе» группы петербургскихъ націоналъ-демократовъ.

Приводимый нынѣ, уставъ «Народной Партіи» не представляетъ собою разработанной детально программы (таковая еще въ проектѣ и принятіе ея есть дѣло первой конференціи членовъ новой партіи), но онъ опредѣляетъ тѣ принципы, которые лягутъ въ основу дѣятельности будущей партіи.

Уставъ Общества „Народная Партія".

Поданъ на регистрацію 16-го апрѣля и отказано въ регистраціи 13-го мая 1914 г. Постановленіе присутствія обжаловано въ правительствующій сенатъ.

I.

Названіе общества, его районъ, цѣль, способы дѣятельности и права.

§ 1. Общество имѣетъ названіе: „Народная Партія".

§ 2. Цѣль Общества „Народная Партія"—объединеніе политической и общественной дѣятельности лицъ національно-прогрессивнаго направленія, стремящихся къ возрожденію духовныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи и къ утвержденію въ ней порядка, спокойствія, законности и благосостоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ упроченію единства и величія Государства.

§ 3. Руководящими началами дѣятельности Общества является:

а) Признаніе Россіи государствомъ національно-русскимъ, единымъ и недѣлимымъ;

б) Признаніе единства и нераздѣльности народа Русскаго во всѣхъ его вѣтвяхъ;

в) Признаніе за Русскимъ языкомъ и Русской культурой господствующаго въ Имперіи положенія;

г) Укрѣпленіе Русской національной государственности на началахъ, установленныхъ Основными Законами 23 Апрѣля 1906 г. съ законодательными учрежденіями—Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, и дальнѣйшее развитіе обновленнаго строя въ порядкѣ, эти Законами предуказанномъ;

д) Поднятіе культурной, экономической и военной мощи Россіи;

е) Развитіе въ странѣ имперскаго національнаго самосознанія и самодѣятельности.

§ 4. Дѣятельность Общества распространяется на всю Имперію.

§ 5. Способами къ достиженію указанной въ § 2 цѣли служатъ:

а) Обсужденіе вопросовъ текущей государственной, общественной и хозяйственной жизни Россіи и составленіе по нимъ руководящихъ программъ и проектовъ законодательныхъ и иныхъ правительственныхъ мѣропріятій въ соотвѣтствіи съ потребностями обновленной Россіи;

б) Изданіе и распространеніе книгъ, газетъ, журналовъ и иныхъ печатныхъ произведеній въ духѣ Общества;

в) Устройство предвыборныхъ и иныхъ собраній, съѣздовъ, лекцій и чтеній, имѣющихъ своей задачей какъ выясненіе нуждъ

и желаній народныхъ, такъ и распространеніе воззрѣній Общества;

г) Участіе, въ дозволенныхъ дѣйствующими законами предѣлахъ, въ выборной кампаніи.

§ 6. Соотвѣтственно съ симъ, Общество имѣетъ право:

а) Открывать повсемѣстно въ предѣлахъ Имперіи мѣстные отдѣлы Общества;

б) Открывать и содержать клубы, устраивать собранія, съѣзды, чтенія, доклады, лекціи, ставить спектакли и давать концерты, организовать литературно-художественные, самообразовательные, сокольскіе, стрѣлковые, гимнастическіе, спортивные кружки;

в) Выпускать періодическія и непериодическія изданія, учреждать и содержать курсы, школы, аудиторіи, библіотеки, читальни, народные дома;

г) Содѣйствовать основанію всевозможныхъ кооперативовъ, кредитныхъ учрежденій, сельско-хозяйственныхъ обществъ и иныхъ экономическихъ организацій;

д) Возбуждать передъ правительственными и общественными учрежденіями ходатайства по предметамъ, относящимся до цѣлей Общества;

е) Вступать въ сношенія и соглашенія съ другими обществами и организаціями.

§ 7. Общество имѣетъ право пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя имущества, образовывать капиталы, заключать договоры, вступать въ обязательства, а равно искать и отвѣчать на судѣ черезъ уполномоченныхъ Общества.

§ 8. Общество имѣетъ печать со своимъ наименованіемъ.

II.

Порядокъ вступленія и выбытія членовъ.

§ 9. Членами Общества могутъ быть всѣ совершеннолѣтніе русскіе подданные обоего пола, коимъ сіе закономъ не воспрещено (ст. 7 и 8 Высочайшаго приказа Правительствующему Сенату 1 Марта 1906 г.). Число членовъ неограничено.

§ 10. Принятіе въ члены Общества производится Главнымъ или Мѣстнымъ его Совѣтомъ на основаніи письменнаго или словеснаго о томъ заявленія лица, желающаго вступить въ Общество. Лицо, вступающее въ Общество, должно указать, къ какому именно мѣстному отдѣлу оно желаетъ принадлежать. Списки членовъ ведутся мѣстными совѣтами, коимъ сообщаются и заявленія, непосредственно поступившія въ Главный Совѣтъ.

§ 11. Члены Общества выбываютъ изъ него въ случаѣ ихъ о томъ заявленія и въ случаѣ неуплаты въ теченіе двухъ лѣтъ установленныхъ членскихъ взносовъ.

§ 12. Члены Общества, дѣйствующіе во вредъ его интересамъ, подлежатъ исключенію изъ его состава. Исключеніе производится Главнымъ Совѣтомъ Общества. Въ случаѣ желанія исключаемаго члена окончательное рѣшеніе вопроса передается Общему Съѣзду уполномоченныхъ.

III.

Органы Управленія Общества.

§ 13. Органами управленія Общества служатъ: Общіе (Имперскіе) и Мѣстные Съѣзды уполномоченныхъ, Общія Собранія членовъ отдѣловъ, Главный и мѣстные Совѣты Общества.

IV.

Общій Съѣздъ уполномоченныхъ и предметы его вѣдѣнія.

§ 14. Общій (Имперскій) Съѣздъ уполномоченныхъ созывается особыми повѣстками, разсылаемыми Главнымъ Совѣтомъ, не рѣже одного раза въ годъ, и образуется изъ уполномоченныхъ отъ Отдѣловъ Общества, избираемыхъ на общихъ собраніяхъ сихъ отдѣловъ, и изъ членовъ Главнаго Совѣта. Кромѣ того, въ занятіяхъ съѣзда на правахъ дѣйствительныхъ членовъ его участвуютъ: а) члены законодательныхъ палатъ Имперіи, принадлежащіе къ составу Общества, и б) лица, приглашенныя къ участію въ съѣздѣ постановленіемъ Главнаго Совѣта.

§ 15. Число уполномоченныхъ отъ каждаго отдѣла Общества опредѣляется пропорціонально числу членовъ сего отдѣла въ соотношеніи, установленномъ Главнымъ Совѣтомъ или Общимъ Съѣздомъ уполномоченныхъ.

§ 16. Собраніе уполномоченныхъ дѣйствительно при всякомъ числѣ съѣхавшихся членовъ.

§ 17. Общій съѣздъ уполномоченныхъ: 1) даетъ руководящія указанія для дѣятельности Главнаго Совѣта и мѣстныхъ отдѣловъ Общества, 2) разрѣшаетъ вопросы, связанные съ измѣненіемъ организаціи Общества и его устава, 3) избираетъ Главный Совѣтъ и ревизіонную комиссію, 4) разсматриваетъ и утверждаетъ денежные отчеты Главнаго Совѣта и 5) разрѣшаетъ всѣ прочіе вопросы, вносимые Главнымъ Совѣтомъ, мѣстными отдѣлами или отдѣльными членами съѣзда.

V.

Мѣстные съѣзды уполномоченныхъ.

§ 18. Мѣстные съѣзды уполномоченныхъ созываются: съ вѣдома Главнаго Совѣта и бываютъ: а) губернскіе (областные) и раіонные—охватывающіе нѣсколько губерній. Первые созываются губернскими (областными) совѣтами, а вторые—по соглашенію подлежащихъ губернскихъ совѣтовъ.

§ 19. На раіонныхъ и губернскихъ съѣздахъ обсуждаются вопросы, касающіеся дѣятельности Общества въ соотвѣтствующихъ мѣстностяхъ.

§ 20. Мѣстные съѣзды составляются изъ уполномоченныхъ отъ соотвѣтствующихъ мѣстныхъ Отдѣловъ Общества. Право участія въ съѣздахъ съ рѣшающимъ голосомъ предоставляется также членамъ Главнаго Совѣта Общества и членамъ законодательныхъ палатъ, принадлежащимъ къ составу Общества.

VI.

Главный Совѣтъ Общества.

§ 21. Главный Совѣтъ избирается Общимъ Съѣздомъ уполномоченныхъ закрытой баллотировкой, срокомъ на одинъ годъ, въ составѣ не менѣе десяти лицъ, избирающихъ изъ своей среды предсѣдателя, секретаря, ихъ товарищей и казначея. Временно, до созыва перваго Съѣзда, Главный Совѣтъ избирается учредителями Общества.

§ 22. Главный Совѣтъ руководитъ, во исполненіе постановленій съѣзда уполномоченныхъ, дѣятельностью Общества, опубликовываетъ отъ его имени разные акты, ведетъ сношенія съ мѣстными совѣтами и даетъ имъ руководящія указанія по текущимъ вопросамъ, представляетъ Общество въ сношеніяхъ его съ правительствомъ, общественными организаціями и другими обществами, а также распоряжается средствами и имуществомъ Общества.

Разъясненія программы Общества, срочно вызываемыя текущей жизнью, могутъ дѣлаться Главнымъ Совѣтомъ, но подлежатъ утвержденію ближайшаго общаго съѣзда.

§ 23. Акты, документы и договоры имѣютъ обязательную для Общества силу въ томъ только случаѣ, если подписаны не менѣе какъ половиной состава Главнаго Совѣта.

§ 24. Вопросы въ Главномъ Совѣтѣ (а равно и на съѣздахъ Общества) разрѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, но для рѣшенія вопросовъ объ измѣненіи устава, объ исключеніи членовъ Общества и о закрытіи отдѣловъ требуется большинство двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ.

§ 25. Главный Совѣтъ Общества пребываетъ въ С.-Петербургѣ.

§ 26. Выбывающіе въ теченіе года члены Главнаго Совѣта замѣщаются очередными кандидатами, избираемыми Общими Съѣздами въ числѣ не менѣе трехъ человѣкъ.

§ 27. Кандидаты въ члены Главнаго Совѣта, а равно и члены законодательныхъ палатъ Имперіи, принадлежащіе къ составу Общества, имѣютъ право принимать участіе въ засѣданіяхъ Главнаго Совѣта по дѣламъ хозяйственнымъ и распорядительнымъ съ совѣщательнымъ голосомъ, по дѣламъ же программнымъ (§ 22, часть 2)—съ рѣшающимъ.

§ 28. Предсѣдатель и члены мѣстныхъ Совѣтовъ, въ случаѣ ихъ пребыванія въ Петербургѣ, участвуютъ въ засѣданіяхъ Главнаго Совѣта съ правомъ рѣшающаго голоса по всѣмъ вопросамъ.

VII.

Мѣстные отдѣлы.

§ 29. Въ столичныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а равно и въ прочихъ населенныхъ мѣстахъ образуются мѣстные Отдѣлы Общества.

§ 30. Образованіе мѣстнаго Отдѣла Общества допускается при наличности не менѣе десяти членовъ. Объ образованіи отдѣла долженъ быть немедленно поставленъ въ извѣстность Главный Совѣтъ.

§ 31. Руководство дѣлами мѣстныхъ отдѣловъ принадлежитъ общимъ собраніямъ ихъ членовъ, а также избираемымъ послѣдними, закрытою баллотировкою на годичный срокъ, Мѣстнымъ Совѣтамъ.

§ 32. Общія Собранія членовъ мѣстныхъ отдѣловъ Общества созываются посредствомъ особыхъ повѣстокъ, разсылаемыхъ мѣстными совѣтами, не рѣже одного раза въ годъ. На этихъ общихъ собраніяхъ избирается личный составъ мѣстныхъ Совѣтовъ, устанавливаются подробности внутренней организаціи и разсматриваются и утверждаются денежные отчеты Совѣтовъ, и вообще разрѣшаются всѣ вопросы, касающіеся даннаго мѣстнаго отдѣла.

§ 33. Мѣстные Совѣты избираются въ числѣ пяти лицъ, осуществляютъ въ данной мѣстности задачи, поставленныя себѣ Обществомъ и являются исполнительными органами мѣстныхъ съѣздовъ или собраній членовъ отдѣловъ.

Примѣчаніе. Мѣстный Совѣтъ губернскаго (областнаго) города именуется Губернскимъ (Областнымъ) Совѣтомъ и имѣетъ задачею объединеніе дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ отдѣловъ губерніи.

§ 34. Члены законодательныхъ палатъ Имперіи, принадлежащіе къ составу Общества, во время пребыванія ихъ на мѣстахъ, принимаютъ участіе

въ засѣданіяхъ мѣстныхъ совѣтовъ и въ общихъ собраніяхъ членовъ отдѣловъ съ правомъ рѣшающаго голоса.

§ 35. Въ своихъ изданіяхъ, лекціяхъ, докладахъ и вообще во всей своей дѣятельности мѣстные отдѣлы и ихъ совѣты должны ни чемъ не противорѣчить программѣ Общества, а также слѣдовать указаніямъ даваемымъ Главнымъ Совѣтомъ.

§ 36. Члены мѣстныхъ совѣтовъ, во время ихъ пребыванія въ губернскихъ городахъ могутъ участвовать въ засѣданіяхъ Губернскихъ Совѣтовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 37. Мѣстные Совѣты возможно чаще, но не менѣе раза въ полугодіе, сообщаютъ Главному и своему Губернскому Совѣтамъ свѣдѣнія о своей дѣятельности и положеніи дѣлъ на мѣстахъ, а также о всѣхъ перемѣнахъ въ своемъ составѣ.

VIII.

Средства Общества и порядокъ веденія отчетности.

§ 38. Средства центральной и мѣстныхъ организацій Общества составляются изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій разныхъ лицъ и учрежденій, доходовъ отъ капиталовъ и учрежденій (§ 6) Общества, продажи изданій Общества, сборовъ отъ публичныхъ лекцій, концертовъ спектаклей.

§ 39. Распоряженіе средствами принадлежитъ Главному и мѣстнымъ Совѣтамъ Общества, по принадлежности.

§ 40. Членскіе взносы вносятся въ кассы мѣстныхъ отдѣловъ подъ квитанціи въ размѣрахъ, устанавливаемыхъ общими собраніями отдѣловъ, по принадлежности, но не менѣе одного рубля въ годъ.

§ 41. Извѣстный, устанавливаемый общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ, процентъ какъ съ членскихъ взносовъ, такъ и съ другихъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія, денежныхъ поступленій въ кассы отдѣловъ передается кассѣ Главнаго Совѣта на покрытіе общихъ расходовъ Общества.

§ 42. Капиталы Общества хранятся въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ или въ мѣстныхъ кредитныхъ товариществахъ.

§ 43. Отчетность по приходу и расходу денежныхъ суммъ Общества ведется подлежащими совѣтами и по провѣркѣ ревизіонными комиссіями разсматривается и утверждается, по принадлежности, Общимъ Съѣздомъ уполномоченныхъ или Общимъ Собраніемъ отдѣла.

IX.

Измѣненіе устава и ликвидація дѣлъ Общества.

§ 44. Статьи настоящаго устава измѣняются и дополняются, по мѣрѣ надобности, согласно постановленіямъ Общаго Съѣзда уполномоченныхъ и не иначе какъ съ соблюденіемъ требованій § 24 и по предварительномъ обсужденіи вопроса на общихъ собраніяхъ мѣстныхъ отдѣловъ.

§ 45. Отдѣлы Общества закрываются: а) по постановленію Главнаго Совѣта, б) въ томъ случаѣ, если число членовъ въ Отдѣлѣ окажется менѣе десяти.

§ 46. Всѣ капиталы и имущество, оставшіеся по закрытіи отдѣла, поступаютъ въ распоряженіе Главнаго Совѣта.

§ 47. Если окажется необходимымъ прекратить дѣятельность Общества, то Главный Совѣтъ созываетъ для обсужденія сего вопроса чрезвычайное

общее собраніе уполномоченныхъ, которые, въ случаѣ признанія необходимости закрытія Общества, устанавливаетъ порядокъ ликвидаціи дѣлъ. О закрытіи Общества Главный Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія подлежащей администраціи.

§ 48. Имущество и капиталы, оставшіеся по ликвидаціи дѣлъ Общества, поступаютъ въ мѣстныя благотворительныя учрежденія по мѣсту нахожденія сихъ имуществъ и капиталовъ.

X.

Члены-учредители Общества.

Членами-учредителями Общества являются Члены Государственной Думы: Михаилъ Александровичъ Карауловъ, Аристархъ Петровичъ Савватѣевъ и Евграфъ Дмитріевичъ Логвиновъ.

БИБЛИОТЕКА
Института В. И. Ленина

СУДЕБНАЯ ЛѢТОПИСЬ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Издатели: А. Л. Гарязинъ и Присяжный Повѣренный В. Лашковъ.

Редакторъ: Присяжный Повѣренный Вячеславъ Лашковъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ 2-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, всего 10 разъ въ году.

Настоящимъ изданіемъ редакція имѣетъ въ виду создать серьезный общедоступный журналъ, который могли бы читать не только судебные дѣятели но вообще всѣ лица, интересующіеся русской дѣйствительностью. При современной неосвѣдомленности въ законахъ такой журналъ нуженъ и необходимъ.

Журналъ посвящаетъ особое вниманіе бытовымъ особенностямъ русской судебной жизни и адвокатуры и помѣщаетъ по этимъ вопросамъ статьи, наряду со статьями по вопросамъ права.

Особый справочный отдѣлъ для юристовъ Петербурга и Москвы (свѣдѣнія объ адресахъ мировыхъ судей и суд. приставовъ и проч.).

Особый справочный отдѣлъ для нотаріусовъ (справки объ ограниченіи правоспособности, объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ и проч.).

Подписка на 1914 г. продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ, съ доставкой и пересылкой 2 руб.

Главная контора: Спб., Загородный, 36.

Редакція и отдѣленіе конторы: Москва, Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 12.

ОТЪ КНИЖНАГО СКЛАДА

ПРИ КОНТОРѢ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКА

„ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА“

С.-Петербургъ, Загородный, 36. Телеф. 107—88.

Книжный складъ въ кратчайшій срокъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги и по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтоваго тарифа—за счетъ заказчика. Выписывающіе на сумму свыше 9 руб. за пересылку не платятъ. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью всю причитающуюся сумму, или задатокъ въ размѣрѣ 1/8 стоимости. При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежемъ взимается 20 к. дополнительныхъ.

Библіотекамъ—обычная уступка.

75 коп.